ПИОНЕР

ПЕРЕПИСКА ДРУЗЕЙ

(Письмо второе)

Ты прав, дорогой Миша, я действительно был болен и только поэтому не писал. Теперь все болеют гриппом. В газете я читал, что в Испании слон заболел гриппом. Вот видишь ли, если даже слоны не выдерживают, то где уж мне. В чем другом и я не уступлю нашим ребятам, ну, а против слона,— где же?

Наш отряд уж было отчаялся, а мое звено пало духом, когда пришло твое письмо о ленинских днях. Мастерскую мы открыли, как ты советовал, паяльную. С инсценировкой вышла беда. В инсценировке есть место, где из публики бросают рваные ботинки для починки. Мы ботинок заранее не приготовили, и когда пришло время бросать их на сцену, никто из публики свои бросать не захотел, как я ни просил. Тогда я сел снимать свой сапог, а он как на грех не поддается. Публика очень смеялась, хотя тут, по-моему, плакать надо было.

Не знаю, как другие города, но наш Днепропетровск насчет курения и ругани—особенный город. Я думаю, что нигде так много не курят и не ругаются, как у нас. Мы два года думали, что делать с такой неприятностью? Серьезные плакаты вешали, так мало помогает. Показывали желтые пятна от никотина на носовом платке—так ребята смеются. Говорят:

— Ерунда, если легкие коптить, так они здоровее будут,—копченая, говорят, селедка дольше держится, чем свежая.

Возражение это — дурацкое, попробовал бы я их самих покоптить в дымовой трубе!

Насчет курева придумали так: попросить радио - станцию чтобы она во время большой перемены давала радио-концерт. Мы пустим радио, и все куряки прибегут, конечно, слушать. Это очень помогает. Советую тебе написать на радио-станцию, чтобы они давали свои концерты на переменах, а не в 4 часа, когда никому не нужно.

Потом вот еще: когда нас обследуют в амбулатории или школьный доктор, так в первую очередь осматривают куряк,— оказывается, что у них раз от разу легкие хуже—совсем как портянки. Кому охота иметь портянки вместо легких!

Многие ребята смеются над курильщиками—называют их курицами. Это потому, что в стенгазе написали:

У кого во рту курится,
Тот не человек, а курица.

Когда над курильщиками смеются, так это для них хуже, чем если отец узнает о куреньи. Теперь мы будем придумывать смешные стихи и рисовать к ним карикатуры. Сделаем такие плакатики и развесим в школе. Пусть читают.

Как бороться с руганью, я не знаю. Посоветуй, что делать?

Вообще живу весело, катаюсь на лыжах, на коньках, только болезнь немного помешала. Пока все. Будь готов!

Твой друг пионер **Петя Староносов**

СОДЕРЖАНИЕ

Главлит № 80730. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово», Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 27.000.

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м.	— 3 р.	— к.
„ 6 „	— 1 „	60 „
„ 3 „	— „	85 „
„ 1 „	— „	30 „

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ ПРИ МК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ

Москва, Нов. Площадь 6|8, Издательство „Молодая Гвардия"

№ 3 ФЕВРАЛЬ 1927 г.

„СТРАШНЫЕ ГОСТИ"

Пионеры СССР — делегаты на с'езд «Союза Юных Спартаковцев» — не допущены в Германию

Оригинальн. рис. для „Пионера"

Бор. Ефимова

ТРИДЦАТЬ ТРИ ОКАЗИИ

Отрывок из повести Георгия НИКИФОРОВА
Рисунки худ. И. ДУБАСОВА

Алешка Плотицин с пятнадцати лет мытарился по свету в одиночку, в эту пору он угодил в общество старых испытанных революционеров, и пошла полоса жизни полная приключений и всяческих переделок.

Плотицин принимал участие в экспроприациях, был в заговорах против самодержавия, работал в подполье, вел агитацию среди рабочих распространял прокламации на заводах, фабриках и, наконец, во время империалистической войны 1914 г. Плотицин попадает на фронт вместе с товарищами, Савелием и Жихарем.

Савелий, бывший литейщик, человек несказанной физической силы. Жихарь ловкий и очень умный старик

Когда-то Плотицин жил среди грузчиков. Уйдя от них к революционерам, он вновь встречается с ними на фронте во время отступления. Первый из грузчиков—Герасим, богатырски сложенный, представляет собой черную реакционную силу, второй—Фома, добросердечный и несколько мечтательный человек, когда-то близкий друг и покровитель Алексея Плотицина.

Шли годы, и вновь встречается Плотицин со своими старыми друзьями, но уже далеко опередивший их и утерявший с ними прежнюю связь.

Герасим, простой и темный человек, становится верным служителем царя, он пропитан большой и дикой ненавистью к тем, кто против этого царя, он всех подозревает, он готов порвать глотку любому, и вот события сталкивают его с революционером, литейщиком Савелием.

Это было подвальное помещение старой церкви, оно заросло паутиной и пропахло тяжелым запахом затхлости. Дверь в помещении находилась так низко, что двое пришедших не пошли, а вкатились в нее по затвердевшему снегу.

Первый, ниже ростом, подобрав полы шинели, ударил с разлета задом в дверь, открыл ее во всю ширину и проскочил до противоположной стены. Второй, показав впереди себя огромные в подшитых валенках ноги, застрял плечами между костяком.

— Чорт тебя догадал, Алеха, по святым местам скрываться, чуть шею не сломал,—проворчал он, вывертываясь и вставая.

— Не рычи, товарищ Савелий,—отозвался тот, кого называли Алехой, и, смеясь, поднял над головой фонарь. Стояли перед ним двое солдат, свет фонаря падал на лицо низкого и освещал грудь высокого.

— Гляди-ка, Жихарь,—сказал Савелий, положив тяжелую руку на плечо стоявшего рядом солдата,—он скоро меня догонит.

Жихарь отряхнул с сапог полой шинели снег и, усаживаясь на пол, вздохнул: – Да-а, парень во всем составе, в двадцать лет вымахал, завидно даже, а вот я так уж сокращаться начинаю, вниз пошел.

У Алексея Плотицина вспыхнула над верхней губой чуть заметная черная полоска усов.

— Нашел чему завидовать,—сказал он.—Зато у тебя опыта сколько, мне учиться да учиться.

— Ну, брат,—отмахнулся Жихарь, и его плохо выбритое лицо рассыпалось в морщинах.—Насчет опыта, не говори. Бывало, помню я, дела обделывал, залюбоваться можно, мне куда же.

— Вот мы посмотрим,—сказал Савелий,—по твоему плану действуем.

— Смотри, не смотри, заранее сказать можно.

— Да вот как.—И Жихарь начал доказывать, что отступающая армия хоть завтра встретит революцию криками ура, что солдаты стосковались по дому, что им давно уже надоело холодать и голодать.

— Если бы мы действовали смелей,—заявил Жихарь,—то революция прямо отсюда и началась бы.

— Ну,—понукнул Савелий.

— Ну, а будет это не отсюда, а оттуда,—Жихарь энергично ткнул рукой в сторону,—из городов, потому там организация.

— Ага,—болтнули головой двое других, и грянул в глухом подвале спор.

На улице, по крышам хат и полям плавал ветер, где-то хлопала оторванная доска, гудел за селом лес, трещал на Днестре лед... Ночь отстоялась и стала гуще; в эту густоту, выйдя из леса, взвыла голодная волчья пара.

— Вот ты и смекай насчет опыта,—сказал Алексею Жихарь, засмеявшись.—Людям надо дело делать, их чорт спорить поднял.

— Верно,—согласился Алексей,—говори, что думаешь.

— Думаю,—потирая колючий подбородок, ответил Жихарь,—лучше так: поделим прокламации, отправимся отсюда вместе и обработаем половину села, потом вы пойдете в имение, к утру и я туда подоспею.

Начали они с крайнего двора, и каждый из них был доволен, что ветер нырял между крыш, выл в трубах и баюкал утомившихся солдат.

Савелий остановился у дверей и слушал, Алексей взмахивал широкой кистью по стенам сеней оставляя слой клейстера, Жихарь ощупью наклеивал приготовленную прокламацию.

За два часа все было кончено. Савелий и Алексей поднимались в гору к имению, лезли глубоким сугробом через сад.

— Вдвоем пойдем?—спросил Алексей, когда они подошли к дому помещика,—двое не один.

— Вдвоем способней,—согласился Савелий и, задержавшись у дверей, поинтересовался:—ты хорошо знаешь расположение?

— Будь покоен, не собьюсь,—ответил Алексей и толкнул тяжелую дверь главного входа.

Остановились, встали на колени и прислушались.

Старый дом был полон таинственных теней.

Алешка и Савелий легли на пол и медленно, передвигаясь на локтях, поползли вперед, оставляя за собой белые квадратики прокламаций.

— Надо к офицерам пробраться, — шепнул Алешка.

Савелий припал к полу, наткнувшись в темноте на спящих, он весь вытянулся, ухватил Алексея свободной рукой за плечо и, сжимая, заставил его лечь и не двигаться.

Лежали до тех пор, покуда глаза, привыкнув к темноте, не различили большого тела спящего солдата; тогда Савелий и Алексей повернули в другую сторону, туда, где темнел коридор.

— Надо этому дяде оставить на память,—сказал Алексей, положив в ногах солдата, заслонявшего двери в комнату офицеров, пару прокламаций.

— Ну, тут можно посмелей действовать,—решил Савелий, вглядываясь в темноту коридора и пропуская впереди себя Алексея.

То же сказал ему и Алексей, как бы угадав мысли друга, но только проползли сажени две, как снова встретили препятствие. На этот раз на их пути лежал в повалку целый взвод солдат.

— Вот чертовщина,—заметил Алексей,—тут пожалуй нам не выбраться.

— Куда же теперь?—забеспокоился Савелий.

— Уж и не знаю,—признался Алексей,—если двинуть на прямики, как бы худо не было... Он в нерешительности остановился и сел, привалившись к стене.

— Погоди, а в той стороне что будет?—ткнул Савелий в противоположную сторону.

— В той стороне опять коридор.

— Ну, значит там тоже солдаты.

— Так, ведь, мы к солдатам и шли,—сказал Алексей,—скверно только, что между ними не проберешься.

Долго сидели они, не решаясь двинуться. Было слышно, как о стены дома и оконные стекла царапались ветви деревьев. Солдаты спали крепко, кое-кто всхрапывал звонко с переливами, иные бредили, выкрикивая непонятные слова, каждую минуту можно было ожидать, что кто-нибудь проснется и заметит двух блуждающих людей. Не было у товарищей простой мысли, что в солдатских шинелях они терялись в общей массе и были не различимы. К тому же тут смешались люди разных воинских частей.

— Э-э, пропадай моя телега!—не сдерживаясь, сказал вслух Плотицин и, захватив пачку прокламаций, швырнул их прямо на спящих солдат.

— Давай обратно!—толкнул он Савелия, уходя по коридору в левое крыло дома.

Бывший литейщик Савелий, огромный и тяжелый как колода, чувствовал, что он в подчинении у своего двадцатилетнего друга; уйди Алексей—и Савелию пришлось бы плохо, главное затруднение в том, что очень уж медленно бегали мысли, всякое решение Савелий обдумывал часами, больше всего опасаясь ошибиться.

Начали они с крайнего двора

Долго ползали они по комнатам и переходам; когда же дело было сделано и в окна плеснула муть подслеповатого рассвета, Алексей увидел, что он заблудился в путанице коридоров, потерял направление и не знал, как выбраться.

— Ну что же теперь?—спросил Савелий, когда Алексей сообщил ему об этом.

Плотицин прищурился, разглядел с грехом пополам тела спящих вповалку солдат и вдруг, улыбнувшись про себя, решительным движением отстегнул крючки, сбросил шинель и вытягиваясь во весь рост на полу, укрывшись шинелью, сказал, едва удерживаясь, чтобы не засмеяться вслух:

Они встали на колени и прислушались

— Мы тоже ведь солдаты, слава богу, чего же нам?

— Верно,—согласился Савелий.

— А я так даже ротный писарь, — добавил Алексей.—Спокойного вам сна, землячок...

———

Очумелый Герасим долго соображал, что ему нужно сделать, как оправдать себя перед его благородием поручиком Седых.

— По закону военного времени—расстрел...—повторил Герасим вслух слова офицера.—Нет, как же оно так,—рассуждал он, собирая мелкие клочья изрезанной прокламации. Да неужели такая бумажка силу имеет в себе, что бы его величество, государя императора?..

До чего это показалось неправдоподобным и страшным, в глазах мелькание пошло, широкая ладонь растопырилась, и мелкие лоскутья, кружась, полетели на пол. За окном играло солнечное утро. Ветер с большого разбега разметался клочьями, ослаб и замер у корней голодраных сосен, в густой заросли осинника, забился под крыши приветливых хат. Тихо стало на земле, и красовалась она перед солнцем искрами снежных звезд.

Из окон Герасиму виден широкий горб косогора, за косогором село с унылой церковью, дальше темная полоса леса.

Схватил Герасим шинель, трещит она на широких костях, выправил грудь, звякнули георгиевские крестики, отыскались нужные мысли, даже гаркнуть хотел: «постараюсь, ваше благородие». И, не глядя на рассыпанные под ногами клочки прокламаций, заторопился во двор.

— Теперь обратите внимание на судьбу нашу,— говорил коротконогий солдат в грязном полушубке:—кругом измена распространилась, и даже, все равно сказать, царь без внимания к нашему брату.

— Совершенно верно! Правильно!—подхватили голоса.

— Ничего, что про царя написано,—продолжал кричать коротконогий солдат,—я должен так говорить: тут все правда-истина. Он поднял прокламацию над головой и все совал ее в глаза товарищам.—Сделайте милость, пожалуйста, читайте сами. Выходи, кто грамотный. Тут все как есть, какие мы дураки...

Это были совсем не те солдаты, которых привык видеть Герасим. Прежние были не так громогласны. Он удивлялся их смелости. Видел: сбившись в группы они совсем не обращали внимания на проходивших тут же офицеров, да и сами офицеры были озабочены чем-то таким, что было далеко от фронта. При отступлении они забывали свои командирские обязанности и, подчиняясь приказу штаба, торопились уйти вместе с солдатами возможно дальше от неприятеля. Они еще не выражали своих желаний вслух, но мысли их росли и переплетались со всей армией.

— Скоро, что ли, конец-то? Нельзя же так!..

Встречались и другие, к этим «другим» принадлежал и поручик Седых.

Он влетел в комнату, где помещались офицеры,

— Вот извольте, читайте,—швырнул он прокламацию на стол, где пили чай офицеры.—Мы в окружении, понимаете: нас уже атакуют враги, да еще какие враги!

— Ах, это?—спокойно произнес черный, цыганского вида полковник и, аккуратно свернув квадратиком брошенную прокламацию, отложил ее в сторону.—Читал, имел удовольствие. Смело действуют, я эту штуку у себя перед постелью нашел по утру нынче.

— Что же вы скажете, господин полковник?—спросил поручик Седых.

— Что же тут, батенька, скажешь?—надо бы, конечно, принять меры.

— Установить наблюдение за солдатами, — предложил Седых, — подобрать преданных людей.

— Пустое, где там найти преданных,—пожал плечами полковник,—после двух-то с половиной лет такой войны, придумал тоже. И какое, к чорту, наблюдение, если неизвестно еще, сколько бежать придется.

— Что же вы предлагаете? — горячился поручик.

В ответ засмеялись офицеры:

— Полковник, как видите, ничего не предлагает...

— Что же тут предложить?

— Понятное дело!..

— И чего вы, поручик, волнуетесь?..

Поручик не понял последнего вопроса. Он услышал дикие выкрики, доносившиеся со двора, там кто-то рычал и ревел по-бычьи, с хрипом и клокотаньем.

Пятеро младших офицеров и полковник увидели в окно возбужденные лица солдат, сбегавшихся на середину двора, где образовался большой круг.

— Что-то там не тово,—сказал полковник и, не допив чай, вышел в сопровождении офицеров к солдатам.

Герасим совсем был готов схватить за шиворот коротконогого солдата и представить его начальству, чтобы не болтал зря, не мутил народ, но вдруг его поразил рыкающий голос среди большой группы солдат, рядом.

Тут не было гама, лица застыли на одной мысли, все вытянулись, боясь проронить хоть бы одно слово.

Широкая ладонь охватила горло Герасима

Говорил один, голос его мог бы покрыть целую роту, он был слышен далеко за пределами двора.

— Если, землячки, товарищи, солдаты, углубиться, что написано тут, все будет понятно до полной ясности. Тут прямо говорится: «Мир хижинам, война дворцам». Это поворачивай, значит, штыки прямо на богачей. А теперь вопрос: кто богачей защищает? Высокое начальство с царем в об'единении...

Герасиму стоило труда пробраться через плотную стену солдат, а когда пробрался, все хотел поймать лицо говорившего, чтобы угадать, он или не он. Увидел, прежде всего, боевые глаза, и тут же решил: «этот».

Как всегда, Герасим пошел напрямик, он приблизился вплотную и спросил, задыхаясь от волнения:

— Ты што?..

Лучше было бы ответить, но оратор сделал полуоборот и отвернулся.

На этот раз Герасим взревел, рука протянулась, и крючковатые пальцы схватили плечо.

— Ты што?.. – И шея Герасима вздулась и покраснела от безудержной злобы.

По живому кольцу солдат прошел бессловесный шопот страха.

Не было с Герасимом никогда того, что случилось. По руке как будто бы ударили поленом, пальцы не успели разомкнуться и сорвали погон с шинели оратора.

Герасим отступил назад, остановился, сбочив голову, и вдруг по его переносице поползла капелька пота.

В тишине, на глазах сотен людей Герасим порвал крючки шинели и начал раздеваться, когда же двинулся вперед на солдата, сбросил под ноги и папаху.

Солдат дал захватить себя Герасиму.

Как будто бы что-то хряснуло, затем над толпой чей-то высокий тенорок:

— Берегись, друг!

Но солдат уже выгнулся, повис в об'ятиях Герасима, его правая рука ударила в грудь локтем, и все увидели, как руки Герасима разжались и упали, теперь он не отошел, а отскочил назад. Было видно, как в глазах Герасима, кроме злобы, появился еще и огонек любопытства. По-медвежьи, неуклюже

он сделал полный круг, обходя своего врага, тот же стоял, попрежнему спокойный и немного насмешливый. Герасим не мог вытерпеть его взгляда, он ухнул на солдата всей тяжестью тела, кулаки заработали по плечам и по груди врага с необычайной быстротой.

Один ловкий удар, и солдаты увидели густой след крови на щеке и подбородке солдата. Кольцо людей загудело тяжким звериным гудом.

Перебирая ногами в большом нетерпении и жестикулируя, принимали участие в бою двух, все...

Потому, как до сих пор держался солдат, было видно, что он только хотел отбиться, не нападать, но желание Герасима расправиться со смутьяном, его удары, его черная злоба и гул толпы сделали свое дело.

Солдат с удивительной ловкостью увернулся изпод ударов нападавшего, сделал скачок вперед, и шея Герасима, захваченная в перегиб руки, вытянулась.

Герасим сделал два поворота вокруг себя, слепые взмахи рук не достигали цели. Он остановился, с большим усилием поднял голову, но когда увидел перед собой противника, вытирающего снегом кровь с лица, и услышал одобрительный людской рокот, но уже не для себя, он неуклюжими прыжками достиг солдата, связал его у талии своими длинными руками и, выставив плечо, хотел бросить его.

Кольцо зрителей сомкнулось, сделалось плотнее. Офицерам, во главе с полковником, с большим трудом удалось пробраться к месту боя. Поручик Седых, подрагивая нижней челюстью, заметался и закричал.

— Братцы! Солдаты! Давайте веревок, связать его, что же вы! Господин полковник, распорядитесь!

Голос поручика был просящим и жалобным. Но господин полковник и братцы-солдаты, захваченные зрелищем борьбы, надвигались все ближе, боясь одного, чтобы не прозевать удара, не проглядеть конца.

Конец подходил.

Солдат выгнулся снова, широкая ладонь охватила горло Герасима, отогнула голову, и первый удар кулака во весь разгон взмаха угодил в переносье, второй—в темя коротко остриженной головы.

Герасим глубоко вздохнул, руки его ослабли, тело обмякло. Не разжимая охвата, он тяжело ухнул к ногам своего победителя. Солдат как-будто бы выскочил из кольца, он шагнул, но неловко запутался ногами и упал на колени.

Изгородь тел замерла, остановились сотни пар глаз, кто-то тянулся на носках через плечи, чтобы увидеть, что там такое. А когда увидел, рванулся вперед и, расталкивая с большой силой всех на своем пути, протянулся к солдату, который все еще продолжал стоять на коленях и, заглянув в лицо ему, спросил, указывая на труп Герасима:

— Савелий, это ты его?

Савелий встряхнулся и совсем просто ответил:

— Я, Алеха, так случилось вот... чего уж?..

ДЕТКОРЫ

НЕСУРАЗЕН И НЕУДАЧЕН

Рассказ несуразен и неудачен. Школьная жизнь изображена неправильно. Это должно броситься в глаза каждому, кто когда-либо был в советской школе. Ни одно из действующих лиц не поступает правильно на протяжении всего рассказа, неправильно поступает даже УОНО.

Митька Шебалин сразу же по поступлении в школу входит в кампанию «старших», что весьма неправдоподобно, даже в очень небольшой школе. Дальше—вся история отказа Митьки учить Камчатку. Тут противоречие: Митька Шебалин получает в начале рассказа исчерпывающую характеристику: «На нем были хромовые сапоги, брюки галифе, военная гимнастерка, толстый ремень и на нем—компас. В бездонных карманах галифе лежали: пугач, гильзы от патронов, электрический фонарь, ножь, спички и папиросы». Но впоследствии «по всем предметам у всех преподавателей Митька Шебалин считался хорошим учеником». Сомневаюсь. Неужели, куря и хулиганя, можно быть хорошим учеником по всем предметам, хотя бы и кроме географии?

Возьмем теперь отца Митьки, военкома. Он—партиец, и, очевидно, видный партиец, он ответственный работник. Казалось бы, что он должен был бы поступать правильно. А между тем, посмотрим, какие у него замашки. Военком только что узнал о мнимой смерти сына. «И мне до сих пор неизвестно»,—закричал комиссар, затопал ногами. «И вы еще врете, что сын не был... милиция—схватил

Ребята!

ВЫСКАЗЫВАЙТЕ СВОЕ МНЕНИЕ О ТЕХ РАССКАЗАХ, КОТОРЫЕ МЫ ПЕЧАТАЕМ НА СТРАНИЦАХ «ПИОНЕРА.»

ЖДЕМ ОТ ВАС ПИСЕМ.

О РАССКАЗЕ

комиссар телефонную трубку... Мой сын... послать наряд на поиски». И дальше комиссар беспрестанно ездил, погонял милицию, рабочих (при чем тут рабочие), грозился и вздыхал. Семилетка не занималась, преподавательский персонал не знал своей судьбы. Ходили слухи, что всех уволят, а заведующего и Касьянова арестуют.

Но если поступают неправильно действующие лица, то по крайней мере должно поступать правильно такое учреждение, как УОНО. Но и УОНО не представляет исключения. УОНО вычеркнул из программы Камчатку,—страну, как ни как все-таки важную и интересную, лишь потому, что об этом просили ученики школы, и Митька, из упрямства не хотевший ее учить, якобы покончил с собой.

Школьная жизнь, повторяю, изображена в рассказе совсем неправильно. Взять хотя бы разговорную речь школьников — кто слыхал, чтобы в школе ребята употребляли слово «шалить». Обыкновенно говорят «бузить». Может быть это слово некрасиво, но именно так говорят школьники, и, описывая жизнь школы, нужно ее описывать такой, как она есть, без прикрас.

Деткор **Р. Закс**

Ленинград

ДОВОЛЬНО ПРАВИЛЬНО

Прочитав рассказ «Камчатка», помещенный в № 24 журнала «Пионер», я хочу написать свое мнение о нем.

В этом рассказе жизнь школы изображена довольно правильно, хотя таких фактов, как отказ учиться, очень мало в наших школах. Есть, конечно, такие ученики, которые ленятся и отлынивают от уроков, но таких, как Митька Шебалин, очень мало. По моему мнению, этот герой поступил неправильно, раз он пришел в школу, он должен был проходить все, что полагалось по программе. Может быть у учителя и были замашки старого педагога, но тем не менее так изводить его не следовало ученику. Ни один ученик нашей советской школы не должен отказываться от ученья, хотя бы оно ему и не нравилось, так как нет теперь в школе ничего вредного и ненужного. Все, что дает нам школьная программа, обдумано, чтобы дать ребятам хорошее образование.—

Деткор **Бернер**

Ст. Медведево

Читай с разбором

ГДЕ ПИОНЕРЫ?

Рассказ построен на фактах школьной жизни, это делает его интересным для школьников и пионеров. Многие выходки знакомы и у себя по школе. Но плохо то, что в рассказе выставлен главной ролью только Митька Шебалин, за ним затемняется жизнь школьников. Затем в рассказе совсем не видно роли пионеров, роли пионерского форпоста. Хорошо выставлена личность «учкомовца» Вани Селионова.

Деткор **В. Брянский**

Брянск

НЕ СОВЕТСКАЯ ШКОЛА

Мне кажется, что описанный в рассказе случай не мог произойти в советской школе. Неправильно поступал учитель географии, выгоняя ученика из класса. Также несправедливо относился к урокам географии Шебалин. Шутка, устроенная им, не подобает ученику трудовой школы. В данном случае вопрос о придиравшемся учителе нужно было разрешить организованно. Ученик должен сам сознавать, для чего он учится, и добросовестно относиться к урокам.—

Деткор **И. Цукерник**

Харьков

ИСКУССТВЕННОЕ НЕБО

Очерк ВЕРЫ ИНЗЕР
Рис. худ. С. ЛОДЫГИНА

В Берлине, в Зоологическом саду, где неподалеку от входа, в затейливом павильоне живут длинногорлые жирафы, появилось новое здание. Особенностью его является математически правильный купол, совершенно глухой, без единого просвета или украшения.

Начинает казаться, что заглянуть внутрь можно только расколов купол, как орех или яйцо. Но, оказывается, есть дверь, даже с колоннами. Войти можно.

Здание планетария в Зоологическом саду

Внутри большой круглый зал, рассчитанный на 500 чел.

Куполообразный потолок совершенно гладок и бел. Он плавно опускается со всех сторон над залом: черная вертикальная полоса, довольно широкая, замыкает его, словно горизонт.

Кресла расположены так, что посредине образуется как бы свободная площадка. А на ней стоит нечто громоздкое, сложное, необычного вида. Нечто похожее на короткий и толстый маяк с двумя головами, схваченный в тиски поперек туловища. Все это установлено на площадке с таким расчетом, чтобы никакое сотрясение, никакая дрожь не нарушили строго-вычисленного равновесия. Предмет этот называется «планетарий».

Слово это нам неизвестно, но легко понять, что оно происходит от «планеты».

Действительно «планетарий» дает нам возможность искусственным образом воспроизвести ночное небо, со всеми его звездами, планетами, туманностями, с его Млечным Путем.

Ученых уже давно занимала мысль о таком приборе. Ведь небо у нас редко бывает совершенно безоблачно.

Кроме того, движения светил происходят чрезвычайно медленно. Нужна целая длинная ночь, чтобы проследить заход и восход какого-нибудь Марса.

Я помню, в детстве, поздно вечером, над морем всходил Юпитер. Он был так велик, что от него по воде шла отдельная маленькая дорожка, как от луны.

Луна тогда восходила необыкновенно прекрасно. Но у нее был один недостаток: с каждым днем, вернее, с каждым вечером, она показывалась все позже и позже. Невозможно было дождаться ее. И очень часто я уходила спать, не дождавшись ни Юпитера, ни луны...

В школах для того,чтобы об'яснить вращение земли вокруг солнца, показывали особый прибор: посредине солнце, величиной с апельсин, а вокруг него ходила маленькая земля. Сбоку был приспособлен месяц. Мы, дети, смотрели и понимали. В планетарии в четыре минуты, в одну минуту и в семь секунд, могут показать все движение солнечной системы. В четыре минуты будет все очень размеренно. Из-за бархатного горизонта, как настоящее, взойдет маленькое солнце. За ним поплывут: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Уран и Нептун.

Но в семь секунд все помчится с необыкновенной быстротой. И месяц, как безумный, замелькает перед глазами, превращаясь из тоненького веселого рога в полную задумчивую луну.

Как я уже сказала, купол планетария совершенно бел.

В маленькой книжке, продаваемой у входа в планетарий, сказано, что купол состоит из железной сетки, покрытой слоем бетона, на котором укреплена вторая сетка. И эта вторая сетка, невидимая такая, гладкая на вид и, есть тот фон, где так чудесно воспроизводится ночное небо...

Когда тухнет свет, то в темноте, при свете одной только лампочки на кафедре, начинает звучать голос инструктора.

Он читает небольшую лекцию о созвездиях, звездах и планетах, о временах года, о движении

небесных тел. Потом он умолкает. Свет тухнет совсем. Все смотрят на белый потолок, не представляя себе, как это он превратиться в темное-синее небо. Но вот постепенно, как на самом деле, загораются звезды: одна, другая, третья, десятая. Звезд становится все больше. И, наконец, над головами простирается во всем своем блеске великолепное небо, такое, каким оно бывает на юге в августе, темное, полное ослепительных, ничем не омраченных звезд.

Небо такое же, как на самом деле, только звезды крупнее и ярче.

Млечный Путь растекается двумя серебряными прядями. Милая старая Большая Медведица сверкает семью огнями. 5400 звезд, видимых на настоящем небе, стоят на искусственном небе планетария.

Сначала, пока инструктор говорит, небо неподвижно. Затем на нем появляется гигантский светящийся меридиан, потом экватор. На небе появляется огненная стрелка, которая, по мере надобности, указывает на ту или иную точку. Речь идет о положении солнца в различные времена года. Сейчас зима, солнце стоит низко. И перистая стрелка, указывая путь солнца, плывет в синеве, как рыба в глубине океана.

Потом небо начинает медленно двигаться. Горизонт, устроенный особым образом, поглощает лучи: впечатление заката полное. Вот зашло солнце, взошел месяц, поплыли планеты. Все быстрее, быстрее. Ночь длится семь секунд. Небо вращается над головой непостижимо быстро. Нужно крепко держаться за ручку кресла, чтобы не упасть, так сильно начинает кружиться голова от бешеного круженья звезд. Плывет Юпитер, а вот Сатурн с кольцом, круг которого мы не видим на настоящем небе, но которое здесь совершенно ясно...

Голова кружится, небо выглядит странно, как во сне. И в темноте слышен испуганный шопот маленькой девочки:

— Мамочка, держи меня. Это я падаю или они?

— Кто они,—спрашивает шопотом другой взрослый голос,—сиди тихонько, Эльзи.

— Они, мамочка, звезды.

Наконец, «они» перестают падать. Все становится на свое место. И инструктор начинает об'яснять устройство самого прибора.

Он весит 1800 килограмм и сосотит из 120 отдельных маленьких прожекторов.

Все это приводится в движение мотором. Делал прибор Вейс, лучшая в мире фабрика оптических стекол.

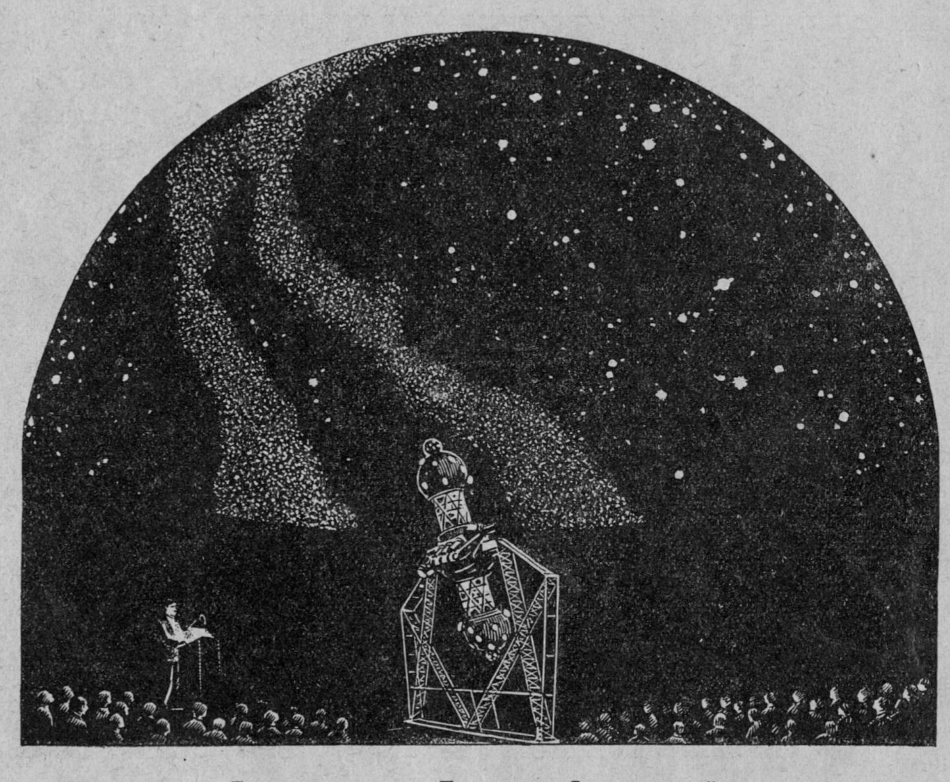
Но, оказывается, планетарий показывает нам не только наше сегодняшнее небо. При особой установке прожекторов, он может развернуть перед нами небо, каким оно было за тысячу лет до нас. Мы можем увидеть уже потухшие звезды, чьи последние лучи достигают до нас только теперь. Мы можем видеть небо, каким его видел наш пращур, пещерный человек, сквозь гигантские папортники доисторических лесов.

И мы можем видеть небо глазами наших потомков, небо, которое будет расстилаться над стеклянно-железными городами будущего.

Легко себе представить, что для берлинских детей космография будет любимым предметом. Ночное небо будет им хорошо знакомо...

Не даром маленькая Эльзи, выйдя из планетария, останавливается, запрокидывает светловолосую голову и говорит озабоченно:

— Мамочка, я опять потеряла Маленькую Медведицу. Почему она такая маленькая?

В круглом зале. Посредине планетарий

СМЕРТЕЛЬНО
! !
НЕ ТРОГАТЬ
ПРОВОДА

ВОЛХОВСТРОЙ

Очерк Б. ЖИТКОВА

Фотографии В. ПРЕСНЯКОВА

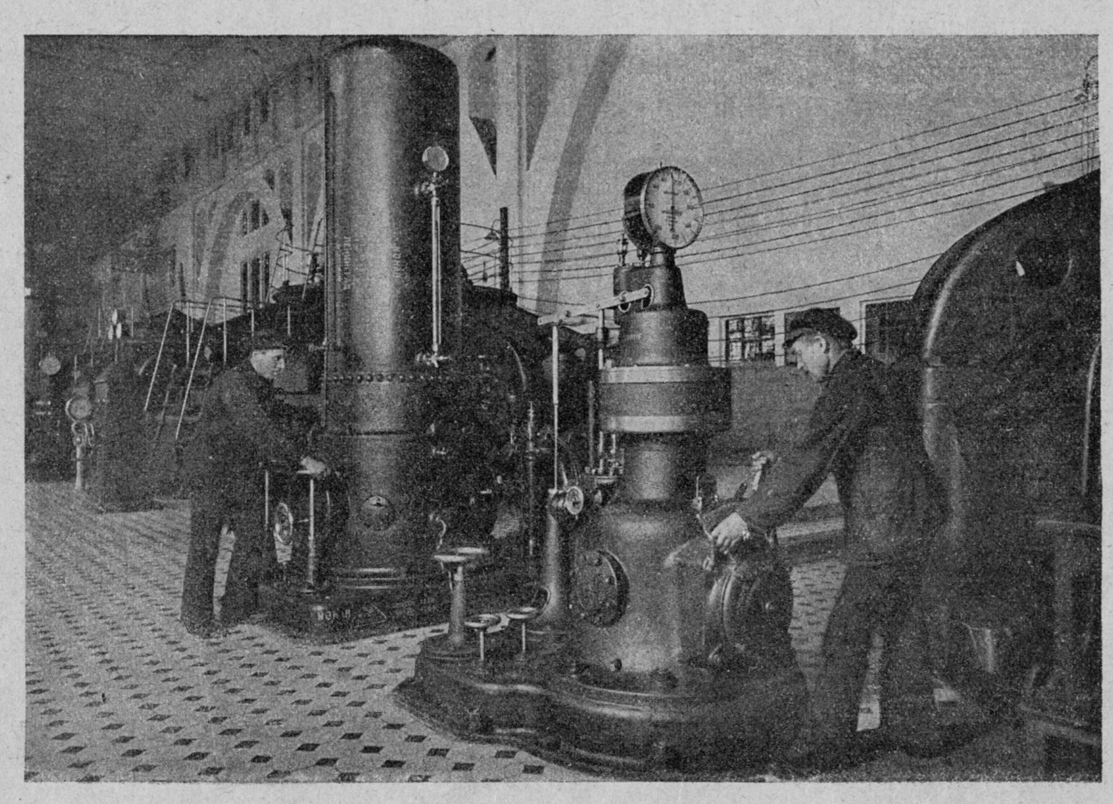
Стоит бетонная гора поперек реки, перегородила воду, остановила теченье, — бетонная Волховская плотина. Сквозь плотину идут ходы— вон на фотографии справа черные дыры—туда только и есть ход воде. Вода с напором врывается—и тут туннель, бетонный туннель под плотиной, под самой станцией, что стоит на острове. Этот туннель ведет воду к турбине, к вертушке, в которую не легко пролезть воде—лопатки круто спускаются сверху вниз. Они одним концом закреплены в верхнем конце, другим вделаны в нижнее. Они мешают воде пройти дальше. А сюда напирает и напирает новая вода, что несется с верховьев Волхова. Вода отстраняет со своего пути эти лопатки, отодвигает их, как рвущаяся толпа откинет приоткрытые двери. Только того и надо людям — отодвинь вода лопатки! Лопатки все отодвинутся сразу, повернутся, как поворачиваются крылья ветряной мельницы когда на них жмет поток ветра. А повернулись лопатки — значит пошла турбина. А наверху над турбиной, на ее оси насажены генераторы — электрическая машина—вон они черные стоят в машинном зале (см. фот.). Завертелись генераторы, и пошел ток.

Что же—теперь, значит, выходит, что, как пошла вода— шабаш! Не остановить? Крутись, турбина, пока не развалишься? А заткнуть ту дырку, в которую врывается вода из реки? Конечно, можно и есть такие огромные заслонки, железные щиты, они подымаются краном и их можно опустить и захлопнуть вход, не пустить воду. Ну, а если надо немного задержать ход турбины, если надо, чтоб она чуточку самую медленней поворачивалась? Нет, не выгодно ворочать тяжелые щиты. Иначе устроено, и так, что двух зайцев сразу убивает. Вот что сделано: вокруг всей турбины устроена бочка, и все клепки (доски) этой бочки поворачиваются так, что могут стать ребром к воде, и вся бочка будет дырявая, но могут повернуться так, что станут к воде плоско и сойдутся краями так плотно, что не останется и щелочки, и не будет воде лазейки,—и турбина будет сидеть в закупоренной бочке. А теперь чуть поверните клепки—открылись маленькие щелки и пошла вода струйками, заработала турбина малым ходом.

Значит этой бочкой можно регулировать ход турбины. Это один заяц, а другой вот:

Эти клепки, что поворачиваются и пропускают воду, не совсем плоские—они горбатые, и когда вода пробежит между ними, она уж летит на турбину не прямо, а вкось, вдогонку лопаткам, вода подталкивает их в сторону и сильней закручивает.

Эта бочка с поворотными клепками называется направляющий аппарат. Наверху устроено приспособление, чтоб поворачивать эти лопатки (клепки) направляющего аппарата. Рукой их не повернешь—тут нужна стальная рука, рука машины. Эта рука, как рука паровоза, выходит из цилиндра; только в цилиндр у паровоза напирает пар из котла, а здесь в цилиндре нажимает масло. Масло качает электрический насос. А электрический насос

Пускают в ход турбину

пустить в ход может и мальчик—включить ток, это только повернуть ручку. И вот маленький поворот ручки, и стоп; закрылся направляющий аппарат, сжались, стиснулись плотной бочкой лопатки вокруг турбины, и она без воды. Стала.

А вдруг... а вдруг поломка. Там внизу, в туннеле, в турбине. Как туда залезть? Там вода. Неужели посылать водолаза и начинать подводные работы? Под водой много не наработаешь. Что же делать?

Осушить весь туннель. Значит надо раскупорить входное отверстие — для этого висят наготове щиты—и закрыть выходное, то, откуда вода после турбины катит из туннеля дальше в реку, в нижнее течение.

Тут уж одни двери для всех турбин. Это пловучие двери. Целая железная баржа, которая плавает стоймя. Огромный плоский ящик. Стоит его затопить перед дверьми — он сядет на дно, если в него напустить воды—то его прибьет водой к выходному отверстию, как только из туннеля начнут выкачивать воду. Эти пловучие двери называются батопорт. У них есть свой дом—это большой железобетонный навес, и там плавает наготове батопорт. Если надо его пустить в дело—его оттуда выпускают, подводят к нужному отверстию, накачивают воды, и он садится на дно стоя—как раз как заслонка перед выходным отверстием. И вот, с одной стороны, щиты, с другой—батопорт,—туннель заперт, и из него можно досуха выкачать воду и теперь работать под водой, как на земле. Но все это устроено для турбин, для электричества. А как пароходам? Как баржам? До плотины теперь хорошо можно дойти: вода поднялась, прикрыла пороги и вдруг преграда—бетонная гора поперек реки, это уж хуже всякого порога... Но выход есть, и выход такой, что пропустит пароход и не упустит воду. Устроена прихожая. Форменные сени. Есть двери входные со двора и двери в комнату. Если вы боитесь напустить в дом холод—ведь вы выйдете в сени, закроете плотно за собой двери, а потом уже откроете двери в комнату. Так вот устроено и в Волховской плотине. Устроена комната—большая, в которой может поместиться большой пароход. Из этой камеры одни двери ведут в верхнее течение, где вода стоит высоко, а другие двери в нижнее течение, где вода стоит низко. Двери эти громадные, железные и запираются машиной.

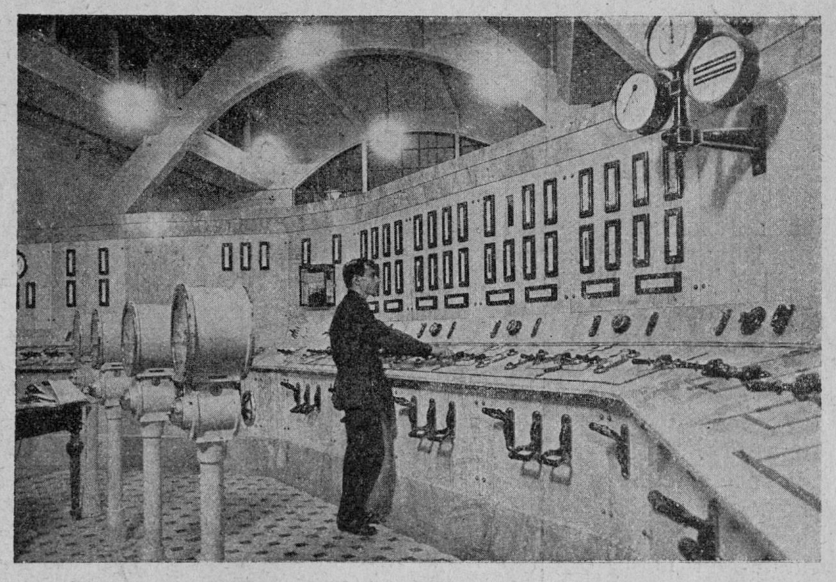
Вот пришел пароход с нижнего течения. Вода там низко. Ему открывают двери в камеру. Он входит. Двери за ним запирают наглухо. А впереди другие двери удерживают высокую воду, что стоит перед плотиной. Если эти двери сразу открыть, вода так нахлынет, что не сдобровать пароходу. Нет, нельзя их сейчас открывать. Устроено так: в эту камеру проведена труба с верхнего течения из-за плотины. В этой трубе заслонка. Откроют заслонку, и вода из-за плотины пойдет по трубе в камеру и будет постепенно ее наполнять. А пароход будет плавать в камере и подыматься вместе с прибыванием воды.

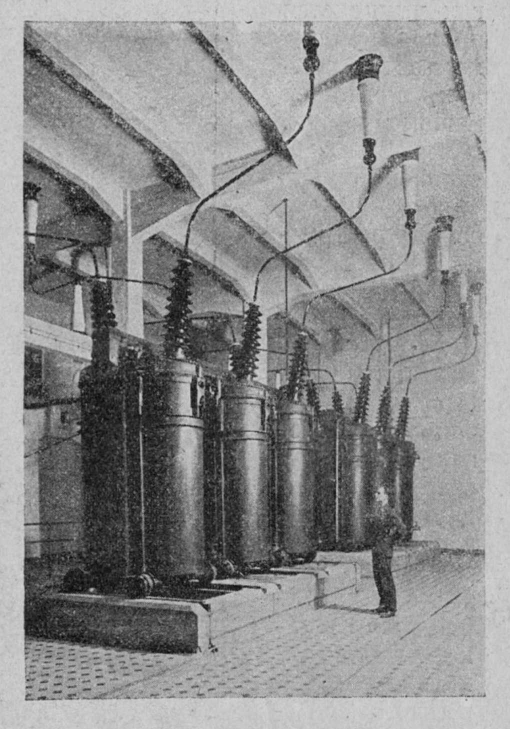
Наконец, вода в камере и за плотиной сравняется — теперь смело можно открывать двери, и пароход выйдет в высокую воду.

Теперь пожалуйте, кому на ту сторону плотины. Вошла, скажем, баржа. За ней закрыли двери. Теперь по другой трубе, что идет из камеры в нижнее теченье, всю воду выпустят. Баржа опустится вместе с водой. Вот и готово: открывайте двери в нижнее течение и выпускайте баржу из камеры на волю.

Эта камера с двойными дверями называется шлюз. Этот шлюз, однако, отгораживает Волховскую станцию от берега: он как раз стоит между берегом и тем островом, на котором выстроен дом станции. Как же быть? Мост поставить? Но тогда пароходам он будет мешать. Или горбатый мост какой-нибудь? Но тогда паровозу на него не вскарабкаться, а паровозу надо ходить на Волховскую станцию и возить вагоны со всякими материалами.

Кажется, со шлюзом вышло неладно: пароходам дали дорогу, а себе отрезали. Нет, есть выход: сде-

Сверху: пульт, откуда один человек может управлять всей электрической установкой
Внизу: масляные выключатели

лали поворотный мост. Мост висит над шлюзом, а когда надо дать дорогу судам, он поворачивает в сторону и становится вдоль берега, а требуется пройти паровозу—мост снова можно повернуть так, что он ляжет поперек шлюза и соединит берег со станцией.

Но вот еще кого не позабыли—рыбу. Рыба ходит икру метать в верховья Волхова. А ведь если ей помешать, обезрыбеть река может. Рыбой по Волхову промышляет целое население исконных рыбаков. Для рыбы сделали «рыбоход»—это ступенчатая дорожка, латок такой—по нему рыба подымается и переходит через плотину. У рыбы очень сильный ход: она в самой стремнине на порогах умудряется проходить, она прыгает в воздух, когда ей мешают камни, и по Волховстройскому рыбоходу ей уж совсем не трудно подняться.

Ну, а что будет, если вдруг случится огромное половодье, бывают, ведь, такие годы—навалит за зиму снегу, и грянет дружная весна, и пошли ручьи и потоки—и все это в реку. Горой вода вспухнет и тогда... хоть взрывай плотину. Потоп—всем окрестным жителям беда. Уноси ноги, а уж хозяйство снесет, и поплывет оно в Ладогу. Тут надо сделать так, чтобы всегда была готова дыра в плотине, прорез. Ну вот, можно шлюз открыть: отпереть настежь обе двери. Ну, а если этого мало окажется?

Это, конечно, все предвидели, все вымерили, высчитали и сделали проход в плотине и этот проход закрыли двумя щитами. Щиты эти огромные, железные, системы инженера Стонея. Их два и они поднимаются вверх под'емным краном. Кран, как ворота, высится над проходом. Этот проход называется—водоспуск. Поднимите щиты Стонея, и вы спустите лишнюю воду, и никакого потопа не будет.

Волховские провода

Теперь все, кажется: и для лишней воды и для пароходов, и даже для рыбы,—для всех есть ход через плотину.

Турбины будут вертеться, вырабатывать электричество, остается только подать его в Ленинград... а до Ленинграда 126 верст. Да и ток такой, что его по тоненькой проволоке, как телеграф, например, не проведешь.

Проволоку нужно толстую, в палец толщины. Это уже не проволока, а медный прут. Этого прута надо 126 верст. Ток пойдет в Ленинград и там этим током будут двигаться машины на заводах. Да, тут уж если провод лопнет, то станет не один завод, а целый фабричный район. С этим шутить нельзя. Надо сделать так, чтоб уж наверно и чтоб полная была гарантия безостановочной подачи тока. А ведь как ни делай, все же хоть маленькая, а остается возможность поломки. Решили сделать две линии — одна будет работать, а другая будет в запасе. Чуть что — поломка, обрыв, неисправность — сейчас же переключать ток на другую линию. Это можно сделать моментально. И вот на высоких железных опорах (см. фот.) повесили толстые медные провода. А между железными опорами поставили деревянные в подмогу: чтоб не так провисал провод, не так давили железные опоры.

Но тут еще вот что: а ну, порвется провод? Что будет с опорой?

(*Окончание на стр. 22*)

ПО ВОССТАВШЕМУ КИТАЮ

Очерк Вл. ВИЛЕНСКИЙ-СИБИРЯКОВ

Солдат народной армии

Много столетий спал непробудным сном четырехсотмиллионный Китай. Он отдыхал от своего бурного прошлого. За время своей спячки китайцы изрядно отстали от народов Европы, которые изобрели паровую машину и сделали много разных технических усовершенствований в производстве.

Воспользовавшись своим техническим превосходством перед отсталым Китаем, капиталистические державы Европы (Англия, Франция, Италия и др.) напали разбойнически на мирно дремлющий Китай и потребовали от китайцев предоставления прав торговли в Китае европейским купцам. Затем, под разными предлогами, навязали Китаю ряд договоров, по которым Китай из свободной и независимой страны превратился в страну-полуколонию, где хозяйничал мировой капитал.

Китайцам такое положение не могло конечно нравиться, но так как они были бессильны, то, до поры до времени, китайцы терпели и собирались с силами.

Застрельщиками в этой борьбе явились революционеры южного Китая, т. н. гоминдановцы, входящие в народно-революционную партию, основанную известным китайским революционером— Сун-Ят-Сеном.

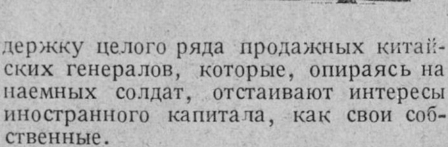
А заветы Сун-Ят-Сена были такие: 1) освободить Китай от ига иностранного капитала, 2) уничтожить в Китае власть военщины (китайских генералов) и 3) превратить Китай в единое независимое государство, где власть находилась бы в руках трудящихся.

Не легкая задача осуществить эти заветы Сун-Ят-Сена! Иностранный капитал меньше всего имеет желания поступаться теми выгодами, которые он сейчас имеет от торговли в Китае. На поддержку иностранного капитала всегда готовы броситься правительства различных капиталистических государств, которые сейчас держат в Китае своих солдат и вооруженные корабли.

Но этого мало. Иностранный капитал, пользуясь своими богатствами, купил себе поддержку целого ряда продажных китайских генералов, которые, опираясь на наемных солдат, отстаивают интересы иностранного капитала, как свои собственные.

Китайские крестьяне

СЛЕВА: Отряд кантонских войск в походе. Впереди идет мальчик-горнист

Такими китайскими генералами, продавшими себя иностранному капиталу, являются: Чжан-Цзо-Лин, У-Пей-Фу, Сун-Чан-Фан и другие. Эти генералы господствуют в северных провинциях Китая и против них-то и борются сейчас народно-революционные армии гоминдановцев Чан-Кай-Ши и Фын-Юй-Сяна.

Несколько месяцев тому назад народно-революционная армия Чан-Кай-Ши начала свое наступление против северных китайских генералов - реакционеров. Это наступление было удачным. Войска Чан - Кай - Ши заняли ряд провинций, где раньше господствовали реакционеры. Разбив генерала У-Пей-Фу, южные революционеры заняли один из крупнейших городов центрального Китая—Ханькоу, куда перенесли столицу временного революционного правительства Китая. Сейчас гомидановцы подготовляют наступление на другой крупнейший центр Китая — Шанхай.

Успехи китайских революционеров очень испугали капиталистическую Европу, особенно Англию, которая больше других заинтересована в подавлении китайского революционного движения.

В спешном порядке отправляются в Китай все новые и новые военные силы (военные суда), спешно вырабатываются меры помощи реакционным китайским генералам.

Но и китайские революционеры не сидят сложа руки. Они тоже мобилизуют свои силы и готовятся к битвам.

Солдаты народной армии на позициях

В НАШЕЙ ШКОЛЕ

О СЕКЦИЯХ ВМЕСТО КОМИССИЙ

МЫ СОГЛАСНЫ

(Отклик на заметку т. Шацкова в № 23)

В № 23 нашего журнала Щацков пишет, что школа г. Астрахани сделала первый почин в этом деле,—это не совсем так. В Одессе во всех почти школах введена эта форма самоуправления, только в несколько измененном виде. Каждый класс разбивается на секции. Приведем здесь некоторые.

Административная. — Эта секция служит самым близким помощником педагогического персонала школы. На уроках члены этой секции следят за тишиной, записывают шумевших ребят. На переменах они поочередно дежурят в коридорах и следят за тем, чтобы не было разных хулиганских выходок. Провести регистрацию, составить список, провести самоучет, — вот помощь преподавателю.

Сансекция. — Работа этой секции, кажется, всем ясна, и говорить о ней мы не будем.

Секция помощи товарищам.— Эта секция чуть ли не самая важная из всех. Ни в одной школе, ни в одном классе во всем СССР не может не быть ребят, которые не отставали бы по какому-либо предмету от всего класса. Такие есть, но их быть не должно. И вот задача этой секции—добиться этого. Не успевает школьник—какой-нибудь член этой секции подходит к нему, спрашивает его, почему тот не успевает, какие у него домашние условия, есть ли учебники и т. д. Затем, узнав и расспросив все, он предлагает: «хочешь, я буду с тобой заниматься». Тот, конечно, соглашается.

Культурно-просветительная секция.—Эта секция следит за культурным уровнем класса. Дело этой секции—выписать газету для класса, провести беседу.

Мы здесь привели только четыре секции, но можно придумать гораздо больше, смотря по потребностям каждой школы. Каждая секция выбирает своего старосту. Старосты всех секций класса образуют классском. Классском, в свою очередь, выбирает одного представителя в школьный комитет. Школьный комитет руководит всей общественной работой в школе.

Такую схему самоуправления следует ввести у себя всем школам.

Деткор **Юзя Брацлавский**

Одесса, школа Соцвоса № 23

А МЫ НЕ СОГЛАСНЫ

В № 23 «Пионера» тов. Щацков говорит о том, что необходимо заменить выборную систему самоуправления секционной. Однако, его предложение имеет много отрицательных сторон.

При секционной системе в учком входят только председатели классскомов, секций и кружков, но совсем не широкие массы учащихся. Это превращает учком в какую-то обособленную организацию, совершенно оторванную от учащихся. Кроме того, учком превращается из органа самоуправления в какую-то предметную комиссию.

При секционной системе, при добровольной работе много ребят вовсе нигде не работают. Их нельзя заставить нести ту или иную нагрузку. Хорошо, если ребята в школе работают охотно. А бывает и нет. Что касается тех учащихся, которых удалось привлечь к работе, то они не получают никаких указаний, не дают никому отчета о ней, и, наконец, в праве в любой момент от нее отказаться,—все это создает беспорядок в жизни детских организаций. Наконец, последний недостаток добровольной секционной работы тот, что при нем спайка ребят не только всей школы, но и классов отсутствует, так как они разбиваются на организации общешкольные, занимающиеся каждая своим делом, независимо друг от друга.

Таким образом, предложение т. Шацкова можно принять только тогда, если в школе будет сохранен, на ряду с секциями, выборный учком, с тем, чтобы за проработанное время они отчитались в своей работе перед школой и группой.

Деткоры: **Б. Шпрингенфельд и Эвенхов**

Ленинград

ЧТО ДЕЛАТЬ НА ПЕРЕМЕНАХ

Идут занятия. Кончается урок, перерыв на 10 минут. За это время ребята бегают по коридорам, подставляют ножки, бросают снежки и хулиганят; а не лучше ли было бы во время перерывов почитать газету? Можно устраивать во дворе школы коллективные игры.

Я думаю, что это будет интересно и здорово. А как думают другие деткоры?

Деткор **З. Купершмидт**

ИЗ ДНЕВНИКА ШКОЛЬНИКА

Пятница, 27 ноября. Трудновато нам привыкать к Дальтон-плану, в особенности из-за учебников. Они выдаются только на уроки, где и старайся в назначенный срок вызубрить данный материал. Но в другой раз все уроки пробузишь, а ученья хоть бы капельку, тогда и выкручивайся, дома учебников нет, а в классе мало проработаешь по ним.

Что делать? Но между прочим сегодня выход найден. Сегодня опять физика. На душе как-то легко и весело. Зубрить «Краевича» и «Цингера» не охота, хочется чем-нибудь развлечься. Собираемся в уголок большой кучей и занимаемся разговорами. Мы старательно работаем языком, развешиваем уши и совсем не замечаем, как быстро идут уроки.

Осторожный Ванька Шлак нарушает сладкий разговор наш. Ванька говорит:

«Ребята, проболтали мы, а задание-то...»

Этот Ванькин вопрос неприятно действует на нас.

— А ведь в четверг срок сдавать заданный материал, а у нас ничего... А?

Мы все озадачены, вопрос довольно трудный, решить не легко... Но сегодня моя голова способна свободно думать.

Мысль у меня сейчас проскочила удачная и засела в голове. Глухим шопотом и очень довольный своей выдумкой я стал развертывать перед ребятами свой план: «...возьмем сейчас учебники у старосты, будто бы подучить материал, а сами каждый себе и вырвем нужные странички... поняли?» Ребята даже очень поняли мое предложение и сейчас же под моим руководством приступили к делу.

— Верочка, дай Краевича.

— Верочка, дай Цингера,—приставали ребята к старосте.

— Зачем, сейчас урок кончится.

— Да подучить только... в мгновение ока возвратим.

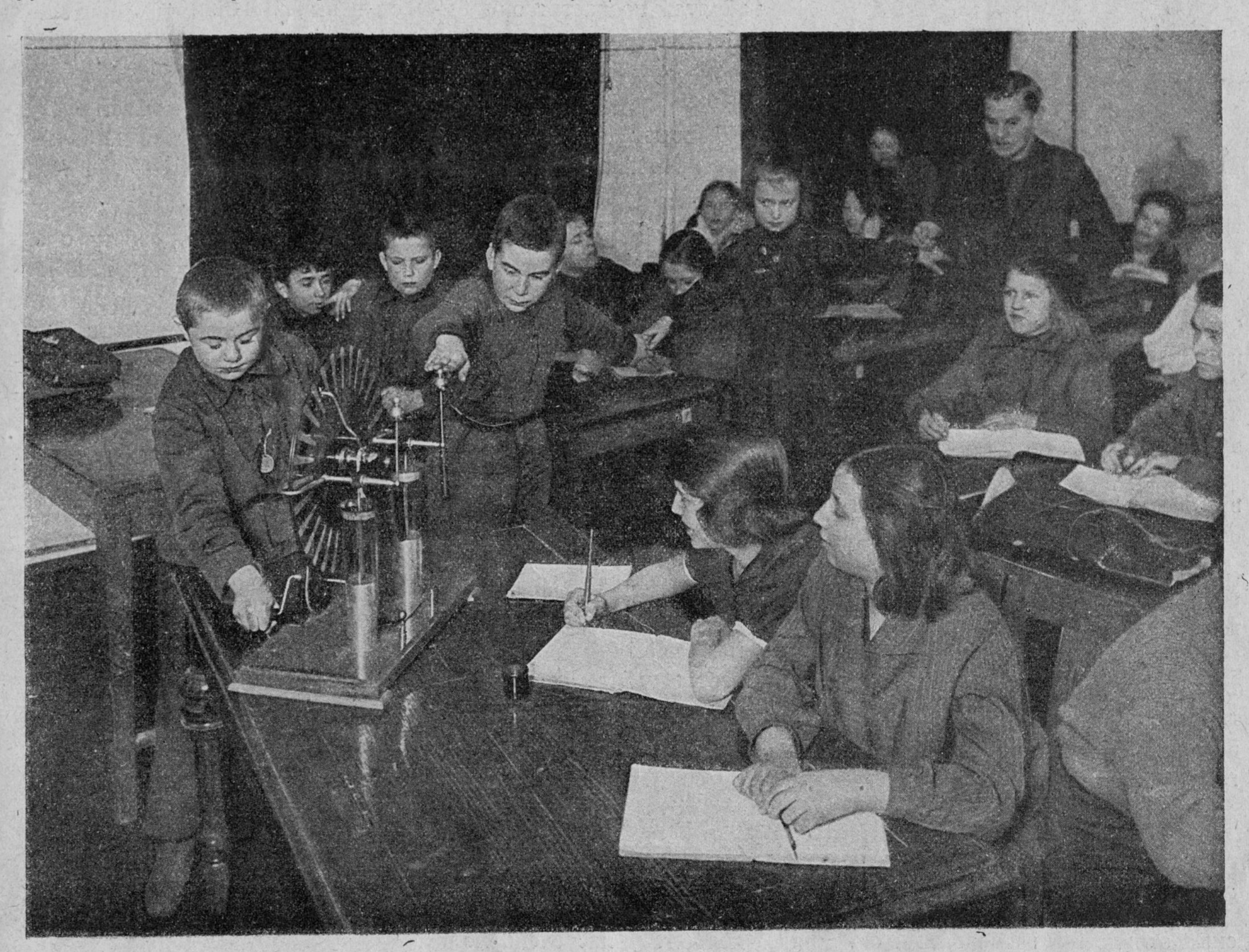
Верочка «Краевича» и «Цингера» дает нам, и мы, удалившись, начинаем вырывать нужные страницы.

Все сошло благополучно, испорченные книги нас не беспокоят, и мы снова веселы. Физика кончается. Мы идем домой.

Деткор **Ефебовский**

Ярославль

Редакция, помещая эту страничку из дневника школьника, хотела слышать мнение других деткоров, как у них проходят занятия по Дальтон-плану.

Урок физики

ПИОНЕРСКАЯ СМЕНА

Оркестр октябрят

МНОГО НАС, НО МЫ—ОДНО

Октябрят в отрядах много. Но каждая группа работает сама по себе. Октябрята незнакомы с работой других групп, не могут перенимать друг у друга опыт работы, сравнивать свою работу с чужой, исправлять недостатки.

Поэтому надо почаще устраивать совместные сборы и вечера октябрят нескольких отрядов.

Нужно ходить друг к другу в гости, ходить вместе в кино и в театр.

Это улучшит работу с октябрятами и, кроме того, каждый октябренок почувствует себя членом большой коммунистической организации.

Деткор **Н. Чуднова**

Саратов

ХОТИМ НОВЫХ ПЕСЕН

Существуют у нас при пионерском отряде 3-й госмельницы октябрята, и хоть маленькие октябрята, но растут они быстро. Вместо пяти ребят, теперь октябрят уже полсотни.

Работают с октябрятами несколько наших старых пионеров.

В их работе с октябрятами есть несколько промахов. Например, руководители разучивают с октябрятами старинные детские песенки, которые они узнали от родителей. Эти песенки совершенно для октябрят не подходят. С ними надо распевать хорошие и понятные октябрятам революционные и пионерские песни, например, «Марш Буденного» и др.

Затем надо чаще с октябрятами ходить на прогулки, больше заниматься зимним спортом: коньки, санки, лыжи. Все это больше заинтересует ребят и сделает работу в отряде интересней.

Деткор **З. Купершмидт**

г. Белая Церковь

ВМЕСТЕ ДРУЖНЕЕ

Работа с октябрятами в большинстве отрядов очень плоха.

Возьму для примера наш отряд. Октябрят у нас очень мало, и с ними почти не работают. А в отряде есть пионеры, которым 9 — 10 лет. Эти пионеры октябрятского возраста очень слабо разбираются в пионерских законах и обычаях и почти не интересуются пионерской работой. И правильнее было бы перевести их в октябрята, так как они активные ребята и с ними легко можно улучшить работу октябрят.

А пока что работа октябрят заключается в вырезывании картинок и наклеивании их на бумагу, оборудовании уголков и т. п.

Затем почти при каждом отряде нашего города имеется не больше 15 октябрят, и работают с ними активные пионеры.

Чтобы улучшить работу с октябрятами, я предлагаю об'единить октябрят тех отрядов, где их немного, и по группам в 25 ребят присоединить к сильным отрядам. Руководить этими группами должны комсомольцы.

Если это сделать, тогда работа с октябрятами пойдет хорошо.

Деткор **А. Печерский**

г. Мерв, отряд Ворошилова

За работой

В СТАРОЙ ТАТАРСКОЙ ШКОЛЕ

Это было давно, еще Соввласти не было. В медресе было пыльно. Ученики сидели на скамьях, а для книг стояли маленькие скамейки, на которых лежали «Коран» и «Афтиян». Когда отец Хасяна вошел с сыном в медресе (татарская школа), их встретил мулла. Отец Хасяна взял руку муллы и сказал:

— Асоля-малекум! Хазрат (мулла). Вот я тебе привел учиться моего сына. Пожалуйста уж учите.

Мулла:—За учение в месяц платите 5 рублей.

— Хорошо.

Хасян, как новичок, стоял около окна и читал «Афтиян». Хазрат ушел обедать в другую комнату, а ученики стали прыгать, драться, бить друг друга. С первого же раза Хасян возненавидел это безобразие. Хасяну было 11 лет. Он был худощавый мальчик. Штаны на нем были старые, полотняные. На голове была чаплашка вся в масле и блестела. Эту старую чаплашку ему дал дворник. Третьего дня сын дворника Курбан Али умер. Курбан Али с Хасяном были очень дружны. Всегда вместе играли и тайно на чердаке учили азбуку русского языка. В старое время, если татарский мальчик или девочка читали по-русски, то дедушки и муллы обыкновенно так говорили: «Вот русский мальчик, по-русски учится. Ах, безбожник! На том свете в «Тамуг» гореть будешь. У тебя язык будет настолько длинный, что в ногах запутается, и ты не сможешь ходить, будешь мучиться в «Тамуге». Вот так пугали татарских детей муллы. Курбан Али и Хасян немного стали читать по-русски, но к несчастью умер друг Хасяна.

В медресе писали на доске: я купил зайца, цена 3 коп., или 2 или 5, и так бесконечное количество раз заставляли писать одно и то же, как-будто этим можно научить писать и считать.

Мулла позвал Хасяна, чтобы он читал Альхам (молитву), но Хасян не знал эту молитву. Тогда мулла разозлился и стал бить Хасяна ремнем, и бил очень долго. Потом мулла стал бить одного из ребят по рукам за то, что тот сзади муллы кулак показал, а мулла обернулся, видит огромный кулак и давай бить по рукам этого мальчика. Ладонь у него стала черной, от боли он стал плакать.

Когда же Хасян вышел из медресе, около «черной мечети» его ждали Даська и его три товарища. Даська налетел на Хасяна и стал его избивать за то, что Хасян вернул Даське удар.

В доме № 66 была квартира Хасяна. У него были отец и мать. Отец работал накладчиком. Мать и отец ждали сына. Они сидели на полу, около них стоял самовар, который кипел во-всю, на салфетке лежал хлеб и стояли чашки. Около отца Хасяна сидел старый, белый кот.

— Хасян, ты? Мы тебя уже давно ждем,—приветствовала сына мать.

— Я не хочу учиться в медресе, сейчас меня избили,—и Хасян стал плакать.

— А ты что, когда большой будешь, милостыню будешь просить,—отец рассердился и стал бить Хасяна. Мать защищала сына:

— Не бей, видишь, его и так твой мулла избил.

Хасяну приходилось много терпеть от муллы и Суфи. Он был бедный и не мог каждый четверг приносить мулле и Суфи денег, и за то мулла и Суфи ненавидели его. Через несколько времени Хасян познакомился с Шакиром. Они стали очень редко ходить в медресе. За это им много и от родителей и от муллы попадало. Так учились в татарском медресе, где, кроме драк и избиений, ничего нельзя было получить.

Теперь, во время Советской власти сыновья пролетариата стали вместе учиться в хорошей чистой школе. Сейчас—не как раньше, а они теперь со своими товарищами, русскими ребятами, идут к знанию, науке и технике, которые нужны для построения пути к коммуне.

Деткор **Хусаин Беляев**

Уфа

Школьные занятия по естествознанию

Об'яснение татарских слов

Асоля-малекум—здравствуй.

Мулла—духовное лицо.

Суфи—в старинных школах они учат читать Коран. Суфи бывают слепые, в этом рассказе был слепой Суфи — они наизусть Коран знают.

Медресе—старинная школа.. В медресе муллы учили Корану.

Коран—духовная книга.

Афтиян—азбука Корана.

Тамуг—ад у мусульман.

ЧТО МЫ ЧИТАЕМ

Не порть книгу надписями

ВЫБИРАЙ ХОРОШУЮ КНИГУ

В своей заметке «Как мы читаем книги» А. Козловский затронул вопрос о чтении книг. Правильно он отметил, что пионеры читают такие книги, которые приносят им только вред. Читают книги без разбора, все то, что попадает под руку, книги приключенческого характера, с бульварным содержанием: «Приключение Ната Пинкертона», «Тарзан, властитель джунглей» и др. Мальчики почти все глотают книги: Фенимора Купера, Шерлок Холмса, Майн-Рида. Книги эти отзываются сильно на дальнейшем развитии ребят. Кто не читал рассказ А. Чехова «Мальчики», где мальчики, начитавшись книг Майн-Рида и Фенимора Купера, убежали из дома, чтобы отправиться в джунгли, но их задержали. А рассказ Гарина «Детство Темы», где описывается Тема и его товарищи. Они бросили учение в школе, чтобы уехать в Америку, но им это также не удалось; исхудалые, измученные они вернулись обратно. А во всем виноваты книги, которые они читали. У нас в школу недавно пришла мать одного ученика и жаловалась учителю:

«Как мне быть с моим сыном? Весь день сидит уткнувшись в книгу. Ни ест, ни пьет. Посмотрите на него: зрение испортилось, стал близоруким, а грудь-то совсем впалая».

Опять тут виноваты книги. Девочки же особенно увлекаются книгами Лукашевич и Лидии Чарской. В них описывается про буржуев, про барских детей, которые ведут пустую бездельную жизнь. Воспитываются они под охраной нянек, прислуг, гувернанток и лакеев. Родители их говорят: «Не убий», «Люби своего ближнего», а сами, небось, так любят рабочих, как кошка мышку. Вот, что в этих книгах описывается.

Мы видим, что эти книги, которые читают ребята, никакой пользы им не приносят; лишь время даром теряют на чтение этих книг.

Все это оттого, что ребята сами не могут выбрать себе нужную, полезную книгу. Не советуются с более знающими людьми и читают все, что им попадется. Например, никто из ребят не сможет прочитать книгу «Капитал» Карла Маркса, так как он ничего не поймет. Эта книга не для его возраста, и ему она не будет интересна.

Некогда как следует пообедать

Но на всякий вопрос, который заинтересовал тебя, найдешь ответ в книге. Заинтересовал тебя, предположим, вопрос «как двигается трамвай»—можешь найти ответ в книге: В. Г. Фридман—«Электрический трамвай» (б-ка «В помощь школьнику»), а не читать все, что под руку попало. Лишь тогда можно получить от книги наибольшие пользу и удовольствие, когда нужно научиться из всех книг выбрать самое необходимое, самое лучшее из них для чтения. Помощником при выборе книг должен быть журнал «Пионер». В нем имеется специальный отдел, который указывает, что нужно пионеру читать,—это отдел «Что читать». Если, например, наступил праздник Октябрьской революции, в отделе уже есть книги, которые ясно и просто расскажут пионеру об Октябрьской революции.

Деткор **Гельман**

От редакции: Смотри статью: «Как работать с книгой» «Пионер» № 20 за 1926 г.

УВЛЕКАЮТСЯ РОМАНАМИ

— Ты, Петька, читаешь книги?
— Читаю.
— Какие? Наверное, все романами занимаешься?

— Да. Недавно взял книгу «Любовь в Париже», роман, да было три романа: «Черный тюльпан», да два романа Шерлок Холмса. Интересные. Я вот уж уроки из-за них целую неделю не учу, и уже две слабые отметки получил.

— Не даром видно тебя «романистом» прозвали.

— А ты какие, Колька, читаешь?

— Я вот не очень давно взял 5 книг Майн-Рида. Преинтересные. Я часов до двух за ними просиживаю. Глазам уж больно, спать хочется, а отрываться, бросать читать неохота. Уж больно хороши. А потом прочитаешь, ляжешь и начнешь думать. Думаешь, думаешь, голову уж больно, все кругом идет. Заснешь—все видишь индейцев во сне. Прямо хоть бросай учиться.

— А ты рассказы Тургенева читал?

— Нет. Я русских писателей не люблю. Надоели. Вот, например, роман Гончарова «Обрыв» я раз пять принимался читать. Почитаю и брошу. Больно скучно все в этом романе. То ли дело у Майн-Рида. Тут сам как-будто все переживаешь вместе с героями романа. Бури...

— А Салтыкова не пробовал читать? Или Пушкина, Лермонтова?

— Пушкина, Лермонтова прочитал, да и то с грехом пополам. А Салтыкова раз взял как-то из библиотеки две книги, сел, стал читать и чуть не заснул над ними. Скучные, неинтересные, однообразные. Мне вот давай 10 рублей и то не стану читать. Спать над ними что ли—да я и так высплюсь.

— Ты, Колька, много прочитал?

— Много. Очень много. Всех, пожалуй, и не сочтешь. Ну вот, давай, попробуем. Я отдельными книжками не считаю, а считаю только те, которых полное собрание сочинений прочел: Г. Сенкевича, Ч. Диккенса, Немирович-Данченко, Сервантеса, Бальзака.

— Постой, постой,—остановил его Петька.—Знаю, знаю. А ты что-нибудь из нового читал, то-есть я хочу сказать—современных писателей.

— Читал С. Есенина. Немного понравилось. Стихи и поэмы хорошие. Д. Лондона люблю, Д. Бедного люблю, а остальных всех не люблю. Выдумка. Такого, как у Майн-Рида, нет.

Такие разговоры ведутся между ребятами-школьниками и пионерами. Втянувшись в чтение романов, они позабывают все на свете: и пионер-работу, и школу, и уроки. Для них ничего не существует. С книгами они ходят даже в отряд на занятия. В школе читают во время уроков, в то время, как учитель старается, об'ясняет, выбивается изо всех сил—и все как в стену горох.

Ребята после говорят, что они не поняли. Поэтому срывается всякая работа.

Деткор **Спартак Лениненко**

ТРУДОВЫЕ НАВЫКИ

Надо учиться содержать обувь в исправности

КАКИЕ ТРУДОВЫЕ НАВЫКИ НАМ НУЖНЫ

В нашем отряде нет ни одной мастерской, и понятно, что землянские пионеры никаких трудовых навыков не имеют. В отряде почти половина ребят учатся в школе второй ступени. Понятно, что без учебников учиться нельзя, но тут пошла навстречу школа и раздала ребятам учебники, с условием, что ребята их переплетут.

Так как ребята не умеют переплетать, то пришлось ребятам отдавать учебники переплетчику, который и переплел их по тридцати копеек за книгу. Между тем, родители пионеров говорят, что ребята могли бы переплести сами себе книги в отряде, если бы отряд дал им какие-нибудь навыки.

В деревне некоторые пионеры проделывают и такие штуки. Дома родители заставляют их наколоть дров или еще что - нибудь сделать, пионер же говорит — мне нужно итти в отряд на репетицию, а в отряде нет никаких репетиций. Родители, узнав про проделки ребят, говорят, что отряд приучает ребят к лодырничеству. Поэтому деревенские отряды должны в первую очередь приучать ребят-пионеров к трудовым навыкам—переплетать книги, починить свой костюм и т. д. Девочкам же отряд должен дать умение связать чулок, зашить платье и т. д. Тогда крестьяне поймут, что их детей учат «не на собак брехать», а делу. В особенности отряду нужно следить за пионерами, чтобы они не отлынивали от работы дома, и приучать ребят к совместной работе.

Всем этим ребята поднимут авторитет не только у родителей, но и у всего деревенского населения, которое иногда плохого мнения о пионерах.

Деткор **А. Шведов**

Землянск, Воронежск. губ.

РЕБЯТА! ПИШИТЕ В РЕДАКЦИЮ, КАКИЕ ТРУДОВЫЕ НАВЫКИ ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ ДОЛЖЕН ИМЕТЬ КАЖДЫЙ ПИОНЕР, В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЭТОГО МЫ БУДЕМ ДАВАТЬ ПРАКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ НА СТРАНИЦАХ „ПИОНЕРА“.

После работы чисто мой руки

МЕДВЕЖАТА

Очерк Н. СОЛНЦЕВА

Рисунки худ. Д. ГОРЛОВА

Холод сегодня здоровый. Я промерз в своем полушубке и, стараясь согреться, быстро шагаю по дорожкам Зоопарка. Однако, расшалившийся дедмороз нет-нет, да и щипнет за ухо, так, что света не взвидишь.

— Бедные животные,— думаю я, проходя мимо открытых загонов,—каково-то им теперь на таком морозе!

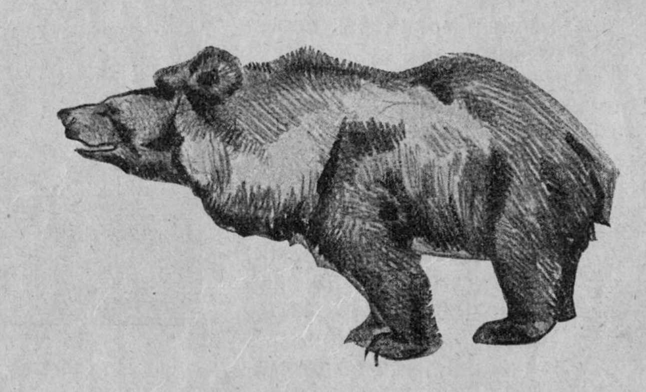
Мой провожатый, молодой натуралист из местного кружка юных биологов, рассказывает:

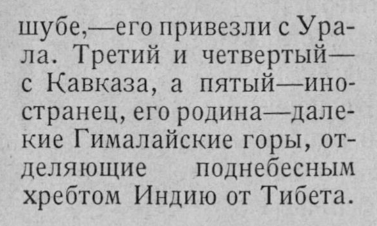
— Кому зима страшна, а вот этим молодцам она нипочем,—говорит он, подводя меня к отделению с белыми медведями.—Смотрите, они именно теперь чувствуют себя так хорошо, как никогда летом.

Действительно, эта веселая компания ни в коем случае не может быть отнесена к разряду несчастных, замерзающих существ. Вот два великана Мишки, встав на задние лапы и обхватив друг друга передними, затеяли борьбу. Тот, что побольше, явно сильнее. Но, очевидно, он не хочет повалить противника на снег—ему просто нравится сама игра. Они осторожно хватают друг друга зубами то за ухо, то за загривок, стараясь однако не сделать другому больно. Из открытой пасти валит белый пар, осаждаясь серебристым инеем на великолепной шубе великанов. Да, в такой шубе не пропадешь даже среди полярных льдов.

Наконец, большому Мишке надоело поддаваться, и он сразу переходит в активное наступление. Раз, два, три, и борец, так успешно противостоявший до этого времени великану, оттесняется на край рва. Еще один удар, и он, цепляясь когтями за откос, с'езжает на брюхе вниз. А победитель в это время, смешно вытянув шею вперед и склонив немного набок голову, с интересом наблюдает, как его противник барахтается в снегу.

Так же весело проводят время и пятеро медвежат, живущие неподалеку от взрослых. Повидимому, и для них суровая зима нипочем. Пятеро друзей принадлежат к разным породам. Все они небольшого роста, кругленькие, упитанные, покрытые густой пушистой шерстью. Один из них приехал с далекого севера—он принадлежит к славной породе белых медведей. Другой наш, российский, в бурой

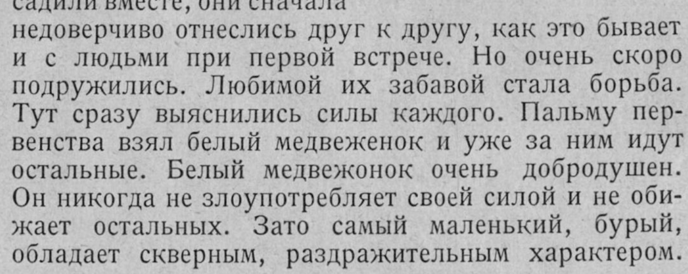

шубе,—его привезли с Урала. Третий и четвертый—с Кавказа, а пятый—иностранец, его родина—далекие Гималайские горы, отделяющие поднебесным хребтом Индию от Тибета.

Хотя друзья с'ехались из разных стран, тем не менее живут они необычайно дружно. Мой провожатый рассказывает:

— Когда медвежат посадили вместе, они сначала недоверчиво отнеслись друг к другу, как это бывает и с людьми при первой встрече. Но очень скоро подружились. Любимой их забавой стала борьба. Тут сразу выяснились силы каждого. Пальму первенства взял белый медвеженок и уже за ним идут остальные. Белый медвежонок очень добродушен. Он никогда не злоупотребляет своей силой и не обижает остальных. Зато самый маленький, бурый, обладает скверным, раздражительным характером.

Я поглядел на этого медвежонка. Став по другую сторону рва на задние лапки и свесив передние на живот, он внимательно разглядывал нас. В это время он имел необыкновенно симпатичный вид. Однако, уже через минуту он постарался оправдать данную ему характеристику. Когда к нему подбежал один из «кавказцев» и хотел затеять игру, тот дал ему здоровую затрещину—«не приставай, когда тебя не просят». Впрочем «кавказец» на это нисколько не обиделся.

В это время остальные играли между собой с огромным увлечением, не обращая на нас никакого внимания. Игрушкой для одной пары служила здоровенная, почти начисто обглоданная кость—остаток недавнего обеда. Ею завладел белый медвежонок. Смешно подпрыгивая, он убегал от другого, а тот по пятам следовал за ним, пытаясь отобрать «игрушку». Иногда это удавалось, и тогда роли менялись. Порой они падали на снег, но тотчас же поднимались опять и продолжали игру.

Все медвежата очень любят сталкивать друг друга с откоса в канаву, наблюдая, как товарищ скатывается по снегу вниз. Поэтому возню они любят затевать на краю рва.

(О других животных читай в след. №)

ИГРЫ НА СНЕГУ

А. КРОНЭ

ДВЕ КРЕПОСТИ

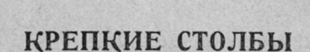
В этой игре все ребята делятся на две группы, красных и белых, которые располагаются на расстоянии 15—25 шагов друг от друга, партия к партии лицом. Каждая группа выбирает себе капитана, которому все должны подчиняться во все время игры.

Оба лагеря строят для себя по стене из снега такой высоты, за которой мог бы спрятаться игрок, присев на корточки.

По сигналу обе партии начинают бомбардировать снежками крепость противника, стараясь попасть в кого-либо из чужой группы и в то же время увертываясь и укрываясь за прикрытие от неприятельских снарядов. Подстреленный снежком считается убитым, т.-е. не имеющим права стрелять в врагов, но в крепости остается для введения в заблуждение противника, отвлекая его от живых защитников крепости. Бой продолжается до тех пор, пока одна из крепостей не потеряет двух третей своих защитников; тогда капитан такой крепости оповещает всех о своем поражении, и игра прекращается, если партия, взявшая верх, не предоставит льгот своим противникам, согласившись на восстановление боевых прав убитых,—поровну с обеих сторон. Тогда продолжают бой до повторного уничтожения двух третей защитников в одной из крепостей.

Большое значение в этой игре имеет хороший капитан. Он должен правильно организовать нападение и защиту. Чтобы убить капитана надо попасть в него трижды. Если капитан выбыл из игры, избирается новый капитан.

Следующая игра может войти, как часть, в только что описанную, т. к. в задачу игроков входит скатывание снежных шаров, которые могут пригодится при устройстве крепости. Сама по себе эта игра также интересна и может быть проведена самостоятельно.

КРЕПКИЕ СТОЛБЫ

Бабка за дедку, дедка за репку... очень напоминают эту игру; только репку здесь заменяет полуметровая круглая палка и тянут ее не в одну, а в две стороны.

С двух сторон площадки выстраиваются из снега две вышки, любой высоты. Между этими вышками, в затылок друг к другу, располагаются две равных группы ребят, партия к партии лицом, образуя одну прямую линию. От конца каждой шеренги до вышки, находящейся за спиной стоящего последнего игрока, должно быть расстояние от 6 до 10 шагов.

По первому сигналу каждый игрок охватывает руками поясницу впереди стоящего, и находящиеся во главе колонн берутся поперек за палку. По

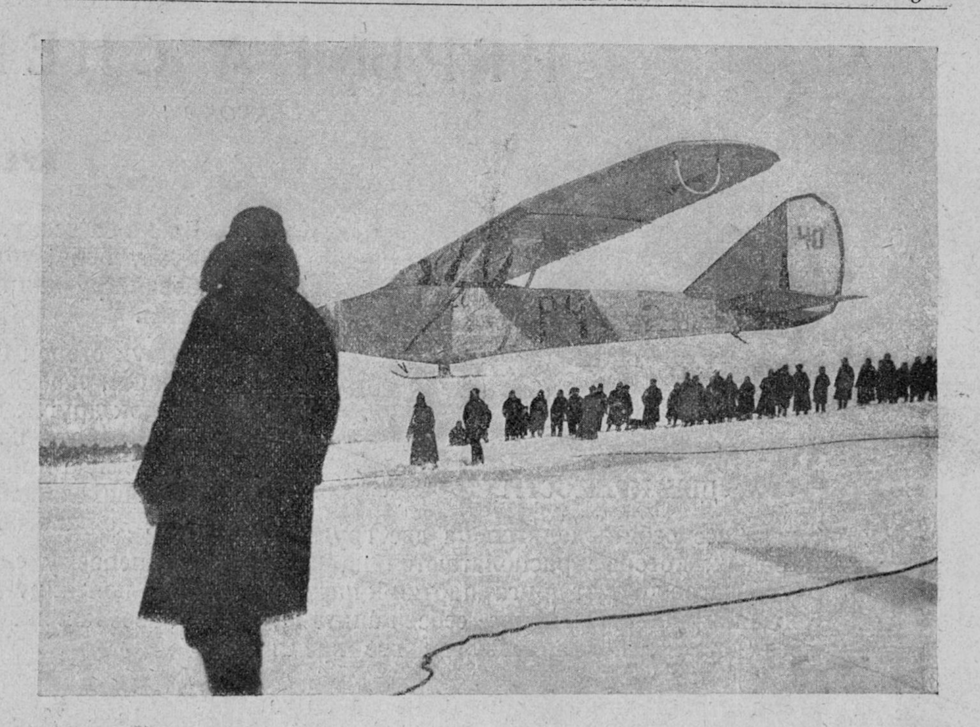
второму—каждая группа тянет палку в свою сторону до тех пор, пока последний игрок не сможет разрушить толчком ноги расположенную за спиной снежную вышку.

Партия, выполнившая эту задачу, не разорвав цепи, считается победившей. Если же в одной из групп цепь окажется разорванной, выигрыш присуждается противнику.

Во всех описанных играх число участников не ограничено. В зависимости от игры выбирается место с утрамбованным или рыхлым снегом. На ледяной поверхности играть не рекомендуется. Провести игры можно без специального руководителя: для этого выбирают нескольких авторитетных ребят и поручают им разработать материал и распределить между собою обязанности руководителей.

Планерная станция в Горках

Для развития советской авиации огромное значение имеет летание на аэропланах без мотора—планерах.

У нас много планерных кружков, разбросанных по всему Союзу. Особенно развито планерное дело в Москве. Но к сожалению не было места для учебных полетов близ Москвы. Обычно все планерные полеты проводились в Крыму, близ г. Феодосии.

22 января в Горках (где умер В. И. Ленин) открылась планерная станция имени Ленина.

Открытие этой станции будет способствовать быстрому росту планеризма в Советском Союзе.

На нашей фотографии заснят полет первого планера в день открытия станции.

ВОЛХОВСТРОЙ

(*Окончание со стр. 12*)

Сейчас же тяга в одну сторону прекратится, а в другую целый конец проводки будет тянуть и гнуть опору. Как бы не поломал! И вот решили, помимо провода, все опоры одна с другой надежным стальным канатом скрепить —канатом из стальных проволок. Пусть теперь лопнет медный прут, по которому бежит электричество, опора не согнется в одну сторону: она будет держаться за соседнюю этим крепким стальным канатом. На опоре большая ответственность: вот представьте себе—гололедица. Облепило льдом провод, он стал чуть не в руку—ледяная палка, а тут еще ветер—и начнет эта ледяная орясина качаться. Вот и попробуй устоять на ногах и удержать проводку. Но ноги у опоры заделаны в бетонный фундамент — опора готова и к ветру и к гололедице.

Ну, а к току готова ли опора? Да позвольте, разве ток весит?

Нет, тут не в весе дело. Ток не весит, но ток старается найти лазейку, чтоб удрать с провода, проскочить в землю. По проводу идет в Ленинград ток очень высокого напряжения. Этот ток хорошо переносит длинный путь по проводу. Но зато держись, он может уйти в землю. Ток потечет дугой по воздуху в опору и по ней в землю. Надо его держать подальше от опоры. Как же быть—и на опоре и подальше от опоры? Да, и то и другое. Провод привешивается к перемычке на опоре—это раз. Он в стороне от самого столба. Потом от перемычки свешивается целая гирлянда толстых фарфоровых тарелок, и только под этими тарелками уж подвешен провод. Чтоб попасть в перемычку—ему надо либо пробить, либо обойти место толстых тарелок. А пробить фарфор такой ток может—заграничная практика знает таких случаев не мало. Там это не в новинку.

И вот теперь уж можно кой-что обещать: ток не проскочит в землю, провод надежно укреплен на опорах. А если порвется — не беда, рядом есть запасная линия. По дороге ремонтные посты. Там дежурит так же, как на железнодорожном пути путевой сторож.

Но этот высокого напряжения ток не годится для работы в заводе: он сожжет мотор. Но его можно переделать, переделать на такой, что вся его высоковольтная прыть перейдет в силу. И получится ток, который как раз и нужен для заводской работы.

Этой переделкой и заняты Волховские подстанции в Ленинграде. Они принимают ток высокого напряжения с Волховской линии и переделывают его в ток большой силы, как говорят—трансформируют ток. От них ток уже распределяется по заводам, по трамвайным линиям.

Но странно подумать, что все эти заводы, трамваи на улицах, которые пойдут по Волховским токам, все это может стать вдруг, как по волшебству, от одного маленького поворота ручки там—на Волховской станции, на мраморном столике, который называется пульт. С этого пульта можно дирижировать всей станцией, генераторами, турбинами, трансформацией тока в высоковольтный, отправкой его на линию в Ленинград.

Волховская станция еще не совсем достроена, но она уже дает ток, уже действует, хоть еще и не в полную силу.

Не довелось дождаться и порадоваться Владимиру Ильичу на первую гидростанцию, на первый шаг по пути к электрификации, на которую он смотрел, как на важнейший этап строительства.

Голубиное гомещательство

ИЛИ ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛИСЬ ЛЕНЯ КРУТИКОВ И КОЛЯ ВЕРТУШКИН

Рассказ. Р. РОМАНА
Рис. худ. В. СУТЕЕВА

На крыше четырехэтажного дома сидит голубь.

Голубь, как голубь.

Спокойно чистит он свой клюв красной лапой, нагибает голову то в ту, то в другую сторону, важно надувает зоб и издает удовлетворенное воркование.

Но не вздумайте презрительно отнестись к этому доблестному представителю голубячей породы.

Враг выглядывает в данную минуту из слухового окна упомянутого дома.

Глаза его сияют искренним восхищением, губы закушены, весь он дрожит и даже волосы на голове у него встали дыбом.

— Монах!—нежно шепчут уста Лени Крутикова.

Не подумайте, что Леня Крутиков заражен религиозными предрассудками. Нет. Это такая порода голубиная, и за обладание представителем этого славного племени Леня Крутиков готов отдать десять лет жизни.

Но на упомянутого «монаха» имеется и еще претендент.

Вон он ощетинился из соседнего слухового окна. Глаза его сверкают, как два раскаленных угля.

А, между тем, было время, когда Коля и Леня были закадычными друзьями,—ни разу не лупили друг друга, а, наоборот, об'единяли свои силы против общего врага, самоотверженно подсказывали друг другу в классе, вместе хотели бежать в Италию бить фашистов и вместе осуждали несознательность вокзального милиционера, недопустившего совершиться этому историческому делу.

Не было у них друг от друга никаких секретов и было им друг для друга ничего не жалко.

И вдруг друзья поссорились, и из-за чего?

Из-за каких-то голубей!

Друзья раздобыли пару весьма ощипанных голубей, прибили к длинной палке какие-то допотопные штаны и с утра до вечера наполняли двор дома молодецким свистом и пронзительными криками, гоняя осатаневших от вида зловредных штанов несчастных голубей. Когда же один из этих страдальцев не выдержал и свалился мертвым на голову Лени, и когда вместо него Коля приобрел на неведомо откуда достанные деньги настоящего «чистого», пришлось произвести раздел имущества.

Леня, оставшись со своим ощипанным инвалидом, ходил несколько дней, как потерянный, и, наконец, отважился на рискованное дело. Ценою изодранной вдрызг рубахи, разбитого носа и громадного синяка под глазом, после ряда опасных путешествий по чужим чердакам, ему удалось спереть «чистого», который должен был утереть нос всем Колькам в мире.

Однако, Колька, которому с соответствующими предосторожностями было показано Ленькино приобретение, принял совершенно равнодушный вид:

— Гм. Так ты думаешь, что это «чистый»?

— Конечно, не грязный.

— А, по-моему, это самый, что ни на есть, простой.

— Что-о?!

— То! Голубей надо выбирать с предосторожностью. Это не ириски.

— Сам ты ириска. Простой... Не проще твоего курносого!

— Это мой-то—курносый?!

— И не только курносый, а просто фашист, а не голубь.

Колька побледнел, закусил губы. И не успел Ленька опомниться, как предмет спора—«чистый», уже лежал бездыханным трупом у его ног.

Ленька почувствовал что куда-то падает.

Только вмешательство дворника прекратило последовавшее за этим кошмарным преступлением побоище.

Но с тех пор дружбе пришел конец.

Едва у Лени появлялся «чистый», Коля не успокаивался, пока не доставал «чернопегого». Леня вылезал из кожи, но добывал целых двух «чернопегих», глядь, а у врага уж кувыркается над чердаком «турман».

Один раз все Ленькины голуби подняли невероятный гвалт, так как оказались выкрашенными в черный цвет при помощи двух банок гуталина. В другой раз Ленька забрался в голубятню врага и смазал голубей скипидаром, отчего те впали в форменное бешенство и до глубокой ночи не рисковали садиться на крышу.

Бывшие друзья охрипли от постоянного крика и свиста, одичали, как бродячие коты от постоянного лазания по крышам, ходили оборванные, грязные, с помутившимися взглядами. Ни о чем другом, кроме голубей, они ни говорить, ни думать не могли. Часто по ночам они вскакивали, как ошпаренные, и неслись на чердак—проверить, все ли в порядке и не угрожает ли какой-нибудь враг их сокровищам.

А тут еще этот «монах».

«Монах» этот был ничей. Неизвестно откуда он взялся, почему облюбовал именно эту, а не какуюнибудь другую крышу, но появлялся он каждый день, и каждый день наши враги делали попытки овладеть этим заманчивым голубем. Расставлялись силки, бросались приманки, делались всевозможные ухищрения,—но все было напрасно. Этот «монах» был неуловим, как ветер. Он, действительно, хотел оправдать свое позорное старобытное название.

Оба соперника некоторое время смотрят на голубя, а затем начинают медленно ползти по крутой крыше по направлению к предмету их жарких мечтаний.

Ни один кот, подбираясь к мыши, не проявлял столько осмотрительности, ни одна лиса не была так хитра, ни одна змея—так бесшумна и гибка.

Сантиметр за сантиметром подвигались враги, и вот уже трепещущая рука Леньки Крутикова занесена над ничего не подозревающим «монахом». Но руке этой не суждено было опуститься, Колька сделал отчаянное усилие и, как дикий тигр, бросился на Леньку. Враги сцепились. Они катались по крыше с быстротой курьерского поезда, и их сжатые кулаки мелькали в воздухе, как крылья ветряной мельницы.

Ленька напряг все свои силы, вертанул Кольку и вдруг почувствовал, что куда то стремительно падает. Затем наступила тьма...

В общем, полет не кончился трагически. Ленька воткнулся головой в двухсаженный сугроб и пронизал его, подобно пушечному ядру. Колька же, зацепив штанами за водосточную трубу, провисел в таком состоянии часа полтора, когда, наконец, был замечен дворником и снят со своего возвышенного поста.

Ленька пролежал недели две в постели, но отделался счастливо.

В первый свободный вечер отцы Коли и Лени торжественно поднялись на чердак, реквизировали голубей и немедленно продали их.

«Монах» не оказался в числе этих голубей.

Он, совершив свое гнусное дело, улетел.

Известно монашья порода. Ничего хорошего ждать от нее не приходится.

С этого номера мы открываем шахматный отдел. В нем будут помещаться беседы по теории шахмат, задачи, этюды, партии, сообщения о состоянии шахматной жизни среди пионеров на местах и друг. материалы. Просьба к читателям—присылать в редакцию имеющиеся у них материалы. Все, что подойдет, будет напечатано в следующих шахматных отделах.
Для начала помещаем 2 полученные нами статейки и первую беседу с начинающими.

ДАЕШЬ ШАХМАТЫ СРЕДИ ПИОНЕРОВ

Шахматы — игра очень интересная и полезная. Она развивает ум, сообразительность, приучает к борьбе. Шахматы настолько заинтересовывают ребят, что часто отвлекают их от азартных игр.

Уже сейчас во многих школах и отрядах имеются шахматные кружки. Но они никем не направляются и потому слабы. Шахматный отдел в «Пионере» мог бы давать этим кружкам указания, как работать и помогать организовывать ребят.

Ленинградская пионерская газета «Ленинские Искры» недавно открыла у себя такой отдел, и он пользуется большим успехом. Достаточно сказать, что благодаря этому отделу число подписчиков газеты увеличилось.

Пора обратить внимание на распространение шахмат среди пионеров.

Р. Закс

Ленинград

ДОЛОЙ ШАХМАТЫ

Я знаю, что шахматы очень распространены, что ребят от них не оторвать, что ребята могут над ними просиживать часами, выкручивая в мозгах все эти гамбиты, ракировки и шахи, что газеты и журналы имеют специальные шахматные отделы, что устраиваются всемирные шахматные конкурсы.

Я—против.

Я не считаю, что шахматы улучшают ум. Дурака шахматы умнее не сделают. Мало ли среди хороших шахматистов—средних по уму людей и даже тупиц?

Шахматы приучают к сидению и сутулости. Один писатель правильно назвал шахматистов «марабу», по имени болотной птицы, могущей часами стоять, нахохлясь, над болотом.

В результате оконченной партии всегда есть озлобление того, кто проиграл. Свара и ссора после партии—обычное явление.

Шахматы делают человека более рассеянным. В голове вертится не дело, а шахматные ходы. Даже кушая, шахматист не столько жует, сколько обдумывает—нельзя ли на столе сделать тарелкой ход коня и, взяв солонку, шаховать миску.

И, наконец, шахматные комбинации, построенные на твердых правилах, вовсе не делают человека более изобретательным и гибким в жизни, которая тем и отличается от шахмат, что ее комбинации во много раз подвижней и разнообразней.

Голосую против шахмат.

Матов

ШАХМАТНАЯ АЗБУКА

Как записывать ход, положение и др.

В шахматах имеется своя особая азбука, т.-е. правила записи ходов и положений на доске. Если бы не было таких правил, то все сыгранные партии, все новые достижения в шахматах не были бы никому известны. А благодаря записи мы можем учиться у хороших игроков, даже не играя с ними, а только «читая» (разыгрывая) их партии, можем читать шахматную литературу и т. д.

Как известно, шахматная доска, на которой происходит игра, состоит из 64 клеток или полей (8×8). Каждая клетка имеет свое название, которое совсем не трудно запомнить (см. рис.).

Мы видим, что под доской, слева направо, стоят буквы. Это—буквы французского алфавита: a (а), b (бе), c (це),

8	A8	B8	C8	d8	E8	F8	G8	H8
7	A7	B7	C7	d7	E7	F7	G7	H7
6	A6	B6	C6	d6	E6	F6	G6	H6
5	A5	B5	C5	d5	E5	F5	G5	H5
4	A4	B4	C4	d4	E4	F4	G4	H4
3	A3	B3	C3	d3	E3	F3	G3	H3
2	A2	B2	C2	d2	E2	F2	G2	H2
1	A1	B1	C1	d1	E1	F1	G1	H1
	A	B	C	d	E	F	G	H

d (де), e (е), f (эф), g (же), h (аш). Тот вертикальный ряд клеток (снизу вверх), под которым стоит одна из букв, носит название этой буквы. Напр., клетки первого ряда слева носят название **a**, а второго справа—**g**

С левой стороны доски мы видим цифры—от 1 до 8. Это—обозначения горизонтальных рядов (слева направо). Мы имеем 1-й ряд, 2-й, 4-й и т. д. Каждая клетка (поле) находится **на пересечении** двух рядов: вертикального и горизонтального, т.-е. буквенного и цифрового. Напр., крайняя нижняя клетка в левом углу находится на пересечении рядов a и 1. Поэтому она называется: a1. Точно так же обозначаются и все остальные клетки.

Чтобы отыскать поле d5, нужно найти в ряду d, считая снизу, **пятую** клетку.

Но этого еще мало для записи. Нам нужно, напр., записать, что на d5 стоит одна фигура, а на a1—другая. Для этого каждой фигуре, участвующей в игре, дается особое обозначение.

Всего в игре принимает участие по 16 фигур с каждой стороны (белых и черных). Они записываются так: король—Кр. ферзь (его иногда неправильно называют королевой)—Ф, ладья (неправильно говорить—тура)—Л, слон (а не офицер, как иногда говорят)—С, конь—К, пешка—п.

Если теперь нужно показать, что король (все равно, какого цвета) стоит на d5, а ладья—на a1, то пишут: Кpd5 и Лa1. Если король делает ход (идет) с d5 на c4, то пишут: Кр d5—c4. Если же он при этом берет фигуру противника, стоящую на **c4**, то записывается несколько иначе: Кр d5 : c4. Когда идет пешка (например, с f4 на f5), то буква п, означающая пешку, обычно опускается, и пишется просто: f3—f4.

Вот основные правила записи. С остальными правилами и подробностями мы познакомимся в дальнейшем.

Для того, чтобы читать шахматную запись, нужно научиться быстро находить каждое поле доски по его обозначению. Это нетрудно, если несколько раз поупражняться в нахождении тех или иных полей.

Теперь для упражнения расставьте фигуры в таком положении:

Белые. Кр a2, Л g5 и h6, С b5 и d2, п в2 и c4.

Черные. Кр a5, Л в7, п a4, b6 и b4.

Те товарищи, которые уже умеют играть, пусть попробуют решить эту задачу. Условия ее следующие:

Белые начинают и дают мат в 3 хода.

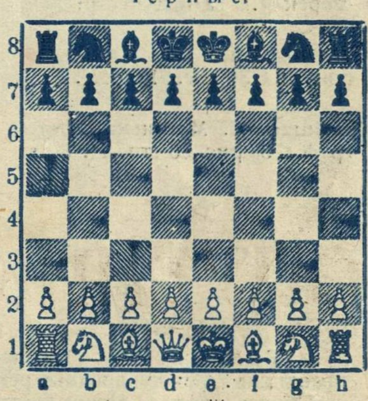
Эту простенькую задачку прислал **Ш. Сатановский** (из 1-й киевской пионерской школы-коммуны).

Фамилии товарищей, приславших правильное решение задачи, будут напечатаны.

ШАХМАТНАЯ ДОСКА

Первоначальное расположение фигур на доске следующее:

Черные:

Белые:

Надо запомнить, что короли ставятся на поля e1 и e8, ферзь рядом на полях своего цвета.

Цена 20 коп.

№ 10 Географическая задача

(М. Хайкина и Х. Финкельштейна, г. Жлобин).

а	а	а	а	а
а	б	в	в	г
д	д	е	е	з
и	й	л	л	л
м	м	н	н	о
п	р	р	с	т
у	ь	ь	ь	э

Предлагается переставить буквы так, чтобы в горизонтальных рядах получились названия семи европейских рек, а в средней вертикальной линии — название одного европейского озера.

№ 11

(Б. Чистякова, Бугуруслан).

Предлагается эти квадраты уложить в такую фигуру, чтобы по горизонтальным рядам можно было прочитать четверостишие одного рабоче-крестьянского поэта и его фамилию.

х	а	у	ч	я	м	п	л
в	р	е	т	г	о	м	о
я	с	е	й	д	ы	в	а
т	т	ы	й	х	о	н	е
в	о	в	с	и	л	й	р
г	о	о	т	я	ж	е	к
н	а	о	т	а	м	о	г
а	й	м	е	л	о	р	а
и	х	н	е	н	ь	т	и
с	я	п	щ	а	з	т	о
к	о	л	ь	ь	н	а	б
н	а	й	в	е	л	и	н

№ 12 РЕБУС

(А. Степанова, г. Ижевск)

Прочитать ходом коня

